

АНАТОЛИЙ РОМОВ
•
**СМЕРТЬ ПО ВЫСШИМ
РАСЦЕНКАМ**

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Ромов

Смерть по высшим расценкам

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ромов А. С.

Смерть по высшим расценкам / А. С. Ромов —
«Центрполиграф», 2018 — (Классическая библиотека
приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-9524-5303-6

Русская мафия в Америке. Ослепительная эмигрантка из России. Частный нью-йоркский детектив. Сотрудники российских спецслужб. Российская братва. Частный сыщик из Москвы. Террористы из «Аль-Каиды». Разве можно ожидать чего-то спокойного и скучного от таких героев детектива Анатолия Ромова? Конечно же нет! И вы в полной мере убедитесь в этом. Здесь все будет по высшим расценкам – и сюжет, и герои, и мастерство автора!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-9524-5303-6

© Ромов А. С., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	49
-----------------------------------	----

Анатолий Ромов

Смерть по высшим расценкам

© Ромов А.С., 2018

© ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

Человек снял бывшую на нем одежду и, оставшись в трусах и майке, подошел к зеркалу. Зеркало висело на стене в спальне, и он приготовился надеть на себя то, что лежало рядом, на аккуратно застеленной кровати.

Внимательно всмотрелся в собственное отражение. На него глядел мускулистый, поджарый, хорошо сложенный мужчина чуть моложе тридцати. На теле не было ни малейших следов жировых отложений, лишь мышцы и сухожилия. Лицо было из тех, что называют неприметным, – небольшой курносый нос, твердый подбородок, светло-серые глаза, коротко подстриженные русые волосы. Смотрящий в зеркало ощущал себя всемогущим, больше того, он знал, что это всемогущие будут с ним всегда и никогда его не оставят. Тело, которое он сейчас видел, умело делало то, что оказывалось не под силу другим, но это ничего не значило бы, если бы не особый склад мышления. Этим складом мышления его изначально одарила природа, а затем он усовершенствовал и развил его до максимально возможного предела. Конечно, в этом ему помогали опытейшие тренеры и инструкторы, но в основном он добивался совершенства сам. Это было мышление бойца, знающего, куда и как наносить удары, и предугадывающего, куда будут нанесены удары противника; это было мышление тактика, умеющего правильно распределять силы, не поддаваться на ложные выпады и обходить ловушки; это было мышление стратега, умеющего обращать собственные недостатки в недостатки врага, знающего болевые точки мира и находящего кратчайшие пути к цели.

Человека звали Вячеслав Корнюшин, однако тем, кто его знал или просто слышал о нем, он был больше известен как Корень. Этой кличкой его наградили еще в детстве, и с тех пор она прилипла к нему, став по сути второй фамилией.

Корень родился в Москве, в семье правительственного чиновника средней руки. Средств его родителей вполне хватило, чтобы отдать сына в школу, где преподавание велось на английском языке; наряду с английской школой он с девяти лет занимался также в двух спортивных секциях, стрелковой и борьбы карате, посещение которых в денежном смысле ничего ему не стоило. Бедняками его родители не были, но деньгами не баловали, поэтому, став юношей, он в какой-то момент осознал: он заслуживает большего, чем жалкие крохи, которыми его снабжает отец.

Безденежье больно ранит самолюбие, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы его не заметила организация, которой были нужны именно такие люди. После того как он стал членом организации, у него появились деньги, количество которых его не унижало. Его талант был замечен, о нем начали говорить в Москве, и вскоре его переманила к себе другая организация, которая не пожалела валюты, чтобы для совершенствования языка послать его сначала в Канаду, а потом в Штаты. В Северной Америке он делал вид, что учится в двух университетах, на самом же деле, формально считаясь студентом, сразу же приступил к профессиональной работе. Именно в Штатах он успешно выполнил несколько заданий, в последнем из которых ему в порядке самообороны пришлось убить человека. Желания убивать снова после этого у

него не возникло, тем не менее во время выполнения многочисленных заданий ему не раз приходилось лишать людей жизни – без этого не обойтись. И все же он не был убийцей по своей природе, он считал себя профессиональным разработчиком идей, разведчиком-диверсантом, но никак не профессиональным киллером.

Это в полной мере соответствовало действительности. О том, что он умеет разрабатывать и выполнять задания посложнее простых убийств, отлично знали организации, которые брали его на работу. Именно таким и было задание, к выполнению которого он готовился сейчас. Это задание было в высшей степени сложным, поскольку они вместе с напарником должны были захватить живущего сейчас в Нью-Йорке уголовного авторитета Георгия Кирьякова, или Джорджа Кирьята, больше известного по кличке Косой. Захватить обязательно живым, чтобы затем переправить из Америки в Россию.

Кирьяков-Кирьят, помимо того, что был крупнейшим авторитетом, был мультимиллионером, одновременно гражданином России и Израиля, и сейчас готовился к получению американского гражданства. Он прошел Афганскую войну, служил в свое время в российском спецназе, был очень осторожен и никогда не ездил без охраны. Корень знал, что захватить его будет делом крайне трудным, тем не менее у него не было и тени сомнения в успехе. Эту уверенность они с партнером заработали тяжелым трудом, просчитывая в течение нескольких месяцев буквально каждое движение Кирьякова-Кирьята здесь, в Нью-Йорке. Сейчас они знали про Косого буквально все, и Корень был уверен: проколов не будет.

Они заранее подготовили скоростной катер, стоящий сейчас у одного из причалов Рокавея. После захвата Косого они переседут с одной машины на другую, уже стоящую в непригодном месте, и подъедут к катеру, на котором подойдут к местечку Хэмптон-Бей на Лонг-Айленде. Там их ждет крейсерская яхта, на которой они выйдут в океан и дойдут до канадского порта Галифакс, и уже оттуда вылетят на реактивном самолете в сторону Европы, чтобы через восемь часов сесть на одном из подмосковных аэродромов.

Посмотрев на разложенные на кровати вещи, Корень прежде всего надел на себя то, чему положено было находиться под одеждой. Пуленепробиваемый жилет на грудь, специальную резинку, к которой крепился пистолет «агран», на щиколотку, и резинку, к которой был прикреплен нож, – на другую щиколотку. После этого он с помощью специального металлического крепления, дополненного ремнями, жестко закрепил от запястья до локтя на левой руке устройство, которое должно было обеспечить успех операции.

Это был своего рода распластаный духовой пистолет, состоящий из спускового механизма и ствола, конец которого располагался с внутренней части руки у запястья. Вместо пуль в пистолете использовались крохотные шарики сложной конструкции; всего шариков в барабане было шесть. Попадая в тело человека, каждый из шариков тут же вводил в кровь сильнейшее снотворное, действовавшее безотказно. Для того чтобы устройство выстрелило, достаточно было нажать свободной рукой на скрытую под рукавом спусковую кнопку. На левую руку устройство крепилось потому, что так удобнее будет стрелять, подойдя к левой передней двери легковой машины.

Убедившись, что устройство закреплено надежно, Корень надел стандартную форму американского полицейского. Застегнув на все пуговицы темно-синюю рубашку, нанизал на брючный ремень обычный полицейский инвентарь: кобуру с пистолетом «глок», черно-белую палку для регулировки движения, рацию, фонарь и наручники – и застегнул пряжку. Взяв фуражку, надел ее, проверил ладонью положение козырька, после чего на несколько секунд застыл, вглядываясь в зеркало.

Знаки отличия на фуражке и рубашке, на его взгляд, были в полном порядке. Они подтверждали, что их обладатель служит в полиции Нью-Йорка, в дивизионе регулировки движения, в отделении, которое расположено в бруклинском районе Флатбуш. На металлической

бляхе, прикрепленной к левой стороне рубашки выше нагрудного кармана, было выгравировано имя – Джефф Ричарде – и личный номер.

Не найдя ни в чем ошибки, Корень поднял левую руку и осмотрел край рукава. Кончик ствола под рукавом был совершенно незаметен, к тому же это место прикрывали надетые на запястье часы.

Сняв фуражку, засунул ее за пазуху рубахи и взял лежащий на кровати просторный черный балахон. Балахон застегивался на молнию, на спине балахона белыми буквами было написано «Дорожный ремонт». Надел доходившую почти до колен хламиду поверх форменной рубахи и затянул застежку до горла. Затем взял специальные прозрачные пластиковые чулки с завязками, натянул поверх брюк и туго затянул завязки ниже колен. После этого осторожно достал из лежащего на тумбочке пакета накладные черные усы и бородку, внимательно осмотрел их и выверенными движениями прилепил к подбородку и на верхнюю губу. Разгладив волоски фальшивой растительности и убедившись, что клейкая изнанка надежно схватилась с кожей, надел черную кепочку-бейсболку с надписью «Дорожный ремонт». Внешность глядящего на него сейчас из зеркала человека не имела ничего общего с его собственной. Убедившись в этом, он вышел из дома.

Они с напарником снимали половину типового двухэтажного коттеджа, который был разделен на две независимые друг от друга части. Дом располагался во Флатбуше, что было необходимо, чтобы досконально изучить все привычки, повадки, а главное, способы передвижения объекта их задания. Офис Косого находился в даунтауне Манхэттена, квартира там же, в роскошном кондоминиуме, и попытка захватить Кирьякова-Кирьята именно в даунтауне, где всегда было полно полиции и фэбээровцев, полностью исключалась. Однако они знали, что постоянные маршруты Косого могут быть связаны не только с даунтауном Манхэттена.

Косой претендовал на то, чтобы считаться человеком с положением, а люди с положением в Нью-Йорке, как правило, проводят уик-энды вне города. Именно поэтому Кирьяков-Кирьят каждую пятницу вместе с водителем и охранником выезжал из Манхэттена на мыс Рокавей в восточном Бруклине, где в фешенебельном районе Бризи-Пойнт был расположен его особняк. Машин, перевозивших Косого из Манхэттена в Бризи-Пойнт, было две, иногда он выбирал белый «мерседес», иногда черный «олдсмобил». Маршруты передвижения машин, каждая из которых была бронирована, то и дело менялись, но проехать мимо нескольких узловых точек на пути следования в Бризи-Пойнт и из Бризи-Пойнт Косой не мог никак. При подготовке акции Корень с напарником решили воспользоваться именно этим моментом.

Стрелки часов показывали, что у него есть нужный запас времени, однако на всякий случай он достал из кармана еще одну рацию, включил ее и три раза постучал ногтем по мембране.

Через несколько секунд услышал в ответ точно такой же стук, означавший, что у его напарника все в порядке и он едет вслед за направляющейся в сторону Флатбуша машиной Косого. Спрятав рацию на прежнее место и убедившись, что соседи его не видят, Корень вошел в гараж.

Здесь стоял весьма потрепанный мини-фургон «форд» с надписью на борту «Починка дорог, асфальтирование, другие ремонтные работы». Открыв заднюю дверь, он внимательно осмотрел лежащий на боку в фургоне полицейский мотоцикл «Харлей-Дэвидсон» и проверил на ощупь наиболее важные части. Убедившись, что с мотоциклом, равно как и с привязанным к его седлу шлемом дорожной полиции, все в порядке, закрыл дверь и сел за руль фургона.

Выехав из гаража, он направил машину к крайней восточной части Флатбуша, к платному мосту, ведущему через залив к Бризи-Пойнт.

Улицы, по которым ехал Корень, состояли в основном из однотипных двухэтажных коттеджей, таких же, в каком жили они с напарником. Начинало темнеть, и одинаковый ряд домов, освещенных такими же одинаковыми фонарями, навел на него тоску. Правда, он тут же

подумал о том, что вид этих домов должен его радовать, потому что сегодня он наконец оставит этот город.

Нельзя сказать, что он Нью-Йорк ненавидел, просто Большое яблоко ему очень и очень не нравилось. Он хорошо знал все пять районов Нью-Йорка: Манхэттен, Бруклин, Квинс, Бронкс и Стейтен-Айленд – и ни в одном из них не мог найти ничего хорошего. Дело было даже не в архитектуре, которую он, начиная с двухэтажных коттеджей и кончая небоскребами, не принимал напрочь. Дело было в самом духе города, для него абсолютно чужого. На его взгляд, от расположенного на широте Батуми Нью-Йорка так и веяло ледяным холодом.

Корень любил Москву, для него это был самый лучший город мира. Конечно, у Москвы были свои недостатки, но она обладала главным, что нужно человеку, – теплом, которое он ощущал даже в самые лютые морозы. Кроме того, в Москве его ждала девушка, мысли о которой поддерживали его в трудные минуты.

Девушку звали Лена, но он звал ее Зайкой. Она не была писаной красавицей, но у нее были милое простое лицо, светлые волосы, курносый нос и синие глаза, в которых в самом деле было что-то от доверчивого зайчонка. Эти глаза всегда смотрели на него влюбленно, и это ему нравилось. Как нравилось и то, что она всегда его понимала, все ему прощала и всегда его ждала, что бы ни случилось.

Воспоминание о Зайке и мысль о том, что он скоро ее увидит, окончательно привели его в хорошее настроение. Он начал даже насвистывать одну из любимых мелодий, но вскоре, взглядевшись в дорогу, понял, что все посторонние мысли пора отбросить в сторону. До платного моста оставалось чуть больше трех минут езды, и он, свернув на одну из расположенных вдоль трассы парковочных площадок, затормозил.

Эта площадка, которую он облюбовал заранее и знал наизусть, упиралась в густой, ровно подстриженный кустарник. Зеленая изгородь, тянувшаяся вдоль парковки, ограждала от проезжей части пешеходную дорожку, что для его замысла подходило как нельзя лучше.

Съехав на площадку, Корень развернул фургон так, чтобы тот встал к кустарнику задом. Убедившись, что ни одна из проезжающих мимо машин на его маневр не среагировала, обошел фургон, открыл заднюю дверцу, на руках спустил на землю мотоцикл и вдвинул его чуть-чуть в кусты. Он отлично знал, что здесь, у Бризи-Пойнт, никто не будет угонять полицейский мотоцикл, но тем не менее на всякий случай скрепил машину и ствол ближайшего куста металлической цепью с замком.

Снова усевшись после этого за руль фургона, включил рацию.

– Да? – отозвался партнер.

– Ну что там?

– Семнадцать.

По коду, разработанному ими самими, это означало, что белый «мерседес» Косого, в котором кроме него самого находятся водитель и личный телохранитель, сейчас идет в обычном графике и находится достаточно близко.

– Понял.

Ничего больше не сказав, Корень отключил рацию и выехал на парковку. Была пятница, конец недели, и рядом с его фургоном, то отставая, то обгоняя, шел плотный трехрядный поток машин. Обстановка для выполнения задуманной им операции была близка к идеальной.

Проезжая мимо будочки сборщика платы за проезд, он ненадолго притормозил, чтобы отдать деньги и получить сдачу. Въехав на мост на вторую линию, посмотрел сначала в одно зеркало, потом в другое.

Сразу за ним ехал роскошный красный «кадиллак», с правого бока двигалась «хонда», с левого – «лендровер». Скорость на мосту была средней, но для его замысла вполне достаточной.

Чуть прибавив, он неожиданно резко свернул вправо, что заставило «хонду» на полном ходу врезаться в бок его фургона. Продолжая маневр, он немедленно крутанул руль влево и, услышав удар о борт «лендровеера», пошел по мосту зигзагами, заставляя идущие рядом и сзади машины резко сворачивать, ударяясь друг о друга. Наконец, поставив фургон почти перпендикулярно направлению движения, затормозил, выскочил из кабины и, лавируя между отчаянно сигнализирующими машинами, подбежал к ограде моста. Вслед ему еще раздавались удары сталкивающихся радиаторов и бамперов, но он, не обращая ни на что и ни на кого внимания, перевалялся через перила, повис на руках и, помедлив секунду, прыгнул вниз. Высота в этом месте была сравнительно небольшой, если не считать его роста, около трех метров, и еще примерно полметра занимала вода на отмели пролива. Приземлившись в воду по колено, он выбежал на берег, в несколько скачков поднялся по косогору и с лету перемахнул через ограждавший зону моста двухметровый забор. Здесь он довольно быстро нашел в темноте сделанное им заранее небольшое отверстие и прильнул к нему одним глазом.

Со стороны ярко освещенного моста по-прежнему доносились отчаянные гудки машин, однако, судя по полному безлюдью вокруг, на его прыжок в пролив никто не обратил внимания. Убедившись в этом, он снял защитные чулки, стянул балахон, снял бейсболку с надписью «Дорожный ремонт», отклеил бороду, оставив усы, и, достав из-за пазухи полицейскую фуражку, надел ее. Выйдя на асфальтовую дорожку, не спеша зашагал почти в полной темноте к парковке.

Вскоре он вышел к освещенной фонарями трассе. Двинувшись к своему мотоциклу, заметил, что движение в сторону Рокавея на ближней к нему половине трассы прекратилось. Вскоре мимо с воем пронеслись две полицейские машины, чуть позже в ту же сторону проследовала красная машина пожарных. Присутствие полиции и пожарных было ему на руку, при разработке операции он это учитывал.

Уже подходя к своему мотоциклу, заметил белый «мерседес» и стоящий вплотную за ним фургончик скорой помощи. В кабине фургончика на месте водителя можно было разглядеть белое пятно, и он подумал: все правильно, на его напарнике должен быть белый халат, и это наверняка он.

Все же для верности Корень включил рацию и три раза постучал по мембране. В ответ раздался точно такой же стук, что означало, что напарник на месте и готов к действию.

Подойдя к мотоциклу, снял фуражку, заткнул ее за ремень и надел шлем. Снял цепь, сел в седло, ударил по педали и на медленном ходу выехал на парковку. Остановившись у левого переднего окна белого «мерседеса», показал знаком: откройте окно.

Посмотрев на сидящего рядом Косого, водитель что-то спросил и опустил стекло. Сойдя с мотоцикла, Корень пригнулся:

– Добрый вечер, джентльмены. Будьте добры, ваши водительские права и страховку.

Пока водитель собирался ответить, Корень успел полностью изучить обстановку в салоне. Косой, худощавый, подтянутый человек лет пятидесяти, узколицый, со светлыми глазами, прижатыми ушами и небольшим шрамом у левого виска, сидел рядом с водителем, не обращая на подошедшего полицейского никакого внимания. Однако охранник на заднем сиденье был настороже; внимательно наблюдая за Корнем, он держал правую руку за обшлагом пиджака.

– Офицер, что-то случилось? – спросил водитель. Его английский был не очень хорош, он говорил с сильным русским акцентом.

– Да, небольшой затор на мосту. Мы на всякий случай проверяем машины. Попрошу ваши водительские права и страховку.

– Пожалуйста. – Водитель достал из кармана и протянул документы.

Изучив их, Корень снова пригнулся и, вернув водителю бумажку и пластиковый прямоугольник, сказал:

– Все в порядке. Если побеспокоил, извините.

– Ничего, это ваша работа. – Водитель сунул руку за пазуху, пряча документы.

И в этот момент Корень три раза выстрелил. Выстрелы были практически бесшумными, и, похоже, сидящие в «мерседесе» не сразу поняли, что произошло. Всем трем шарики угодили в шею, уколы наверняка были болезненными, и сначала все трое автоматически схватились за места, куда попали шарики. Потом посмотрели в сторону Корня, но тут же вяло расслабились и опустили головы – снотворное действовало безотказно.

Корень знал, что напарник сейчас напряженно наблюдает за ним из фургона скорой помощи. Выпрямившись, поднял руку, и «скорая» медленно объехала «мерседес» с правой стороны по обочине. Фургон затормозил так, что задняя дверца машины оказалась точно у правой передней двери «мерседеса».

Быстро подойдя, Корень вместе с напарником перенес бесчувственного Косого в фургон. Здесь стояли выдвижные носилки, и они, положив на них спящего и закрепив тело ремнями, вдвинули его в кузов, чтобы тут же разойтись. Напарник сел в кабину «скорой», осторожно газанул, и фургон, проехав немного, свернул в узкий просвет в кустах. Проследив за ним, Корень вернулся к мотоциклу и посмотрел на трассу – там ничего не изменилось. Машины по-прежнему сигналили, и он не заметил никого, кто бы, сидя в машине, заинтересовался его мотоциклом или фургоном скорой помощи.

Сев в седло, ударил по педали и, объехав «мерседес», свернул в просвет в кустах, где только что исчезла «скорая». Это место и этот маршрут они тщательно изучили и знали здесь все до последнего кустика. Пешеходная дорожка, как и было ей положено в такое время и в таком районе, была пуста, и «скорая» впереди ехала сейчас, не встречая препятствий. Корень двигался сзади на самой малой скорости.

Вскоре фургон свернул и остановился на съезде с парковки, на парковочной площадке; здесь их ждал заранее подготовленный черный джип «патфайндер». Въехав в густой кустарник, так, что «Харлей-Дэвидсон» оказался полностью скрыт, Корень выключил мотор, положил на землю шлем и подошел к «скорой».

Они перенесли Косого в джип, уже не опасаясь, что их увидят, и сели на переднее сиденье, но за рулем теперь устроился Корень. Достав из-под сиденья заранее приготовленную черную штормовку с капюшоном, он натянул ее на себя. Напарник тем временем, освободившись от белого халата, засунул его под сиденье. Лишь после этого, посмотрев на него, напарник сказал:

– Ну что, Корень, вроде пока едем?

– Да, Буня, едем. – Корень улыбнулся. – Пока все ништяк.

Включив мотор, он вывел джип на съезд, с теплом подумав о напарнике, который все это время действовал как автомат, не сфальшивив ни в одном движении.

О своем напарнике Корень знал мало, как, впрочем, и тот о нем. По условиям организации, давшей им это задание, они встретились уже в Нью-Йорке и не должны были интересоваться ничем, что касалось партнера, помимо его имени. Он, Корень, знал лишь, что партнера зовут Коля, кличка Буня, а тот, что его зовут Слава, кличка Корень. Впрочем, этого им было вполне достаточно, главное для каждого из них состояло в том, что партнер умеет делать все так же хорошо, как и он сам.

Джип выехал на местную дорогу, ведущую к небольшой гавани, и после нескольких поворотов впереди блеснула вода залива. Развернув машину, Корень повел ее мимо гавани маломерных судов, направив к самому дальнему причалу, где был ошвартован их катер, мощный «Хантер-530». На носу катера было написано RB-347. Это означало, что катер, приспособленный для плавания в открытом море, приписан к Рокавею, Бруклин.

После того как он затормозил точно возле катера, они вдвоем перенесли бесчувственного Косого в каюту. Снотворное должно было действовать еще как минимум три часа, тем не менее, усадив пленника в одно из кресел, они на всякий случай связали ему упаковочным

скотчем руки и ноги и этим же скотчем заклепили рот. После этого Буня перенес из машины и спрятал в ахтерпик¹ РРУ² и обойму ракет класса «вода – вода». Осмотревшись и убедившись, что на причале никого нет, отдал швартов. Сидящий на корме у штурвала Корень тут же включил мотор, и они отошли от берега.

Открытый океан, в который они вскоре вышли, был сравнительно спокоен. Взяв курс на норд-ост и не обращая внимания на кромешную тьму, Корень уверенно повел катер к Хэмптон-Бею, ориентируясь по экрану локатора и изредка сверяясь с бортовым компьютером. Они шли в виду берега, и первое время океан был пуст до самого горизонта. Однако после того, как они прошли примерно две мили, со стороны Лонг-Айленда послышался звук мощного дизельного мотора.

Посмотрев в ту сторону, Буня спросил:

– Кто это?

– Думаю, такие же, как мы, – сказал Корень. – Пусть идут, наше дело десятое.

Вскоре они увидели ходовые огни приближающегося к ним небольшого корабля. Судя по звуку мощного мотора, судно было скороходным.

Посмотрев в сторону огней, Буня предположил:

– Береговая охрана?

– Возможно, но у нас все чисто.

– Может, от греха лучше спустить Косого в форпик?³

– Давай. А я приготовлю документы.

Буня ушел в каюту, и, пока его не было, небольшой корабль, очертания которого только угадывались в темноте, приблизился и пошел рядом параллельным курсом.

Вернувшись минуты через две, Буня сказал:

– Все, он в форпике. Определил, кто это?

– Пока нет. Достань на всякий случай пугалку.

– Сейчас. – Открыв люк ахтерпика, Буня достал РРУ. – Что, идем как идем?

– Да, идем как идем, не обращая на них внимания.

– В случае чего, моя ракета наготове. – Буня усмехнулся.

– Пока это лишнее.

Почти тут же их ослепил луч включенного на корабле прожектора. Прошло несколько секунд, и усиленный громкоговорителем голос сказал:

– На катере! Это береговая охрана, застопорите ход! Повторяю: на катере, это береговая охрана, застопорите ход!

– Что делаем? – спросил Буня.

– Ничего. – Сказав это, Корень выключил мотор. Вариантов могло быть только два: или они в самом деле случайно наехали на корабль береговой охраны, или кто-то их подставил. По очертаниям корабль выглядел как сторожевой, но это еще надо было проверить.

– Пока стопарим, а потом будем решать. Будь готов по ним шарахнуть, но пугалку пока не поднимай.

– Понял. – Присев, Буня взялся одной рукой за приклад РРУ.

Почувствовав, как их катер закачался на волнах, Корень попытался перебить взглядом слепящий луч прожектора. Осознав, что попытка бессмысленна, решил отвернуться, но вдруг ощутил страшный, смертельный удар пули в голову. Сознание успело схватить только последнюю яркую вспышку, после чего все погасло.

¹ Ахтерпик (мор.) – трюм на корме судна. (Здесь и далее примеч. авт.)

² РРУ – ручная ракетная установка.

³ Форпик (мор.) – трюм на носу судна.

Глава 2

Заканчивалось воскресенье, и Джон Лейтнер решил, что имеет полное право зайти в бар «Мершантс» на Коламбус-авеню, рядом со своим домом.

Зайдя туда, он сразу обратил внимание на сидящую за стойкой светловолосую девушку; среди обычных посетителей бара она выделялась, как некое яркое пятно.

Сев неподалеку, он некоторое время делал вид, что страшно озабочен общей обстановкой и не обращает на девушку никакого внимания. Уловка оказалась лишней, он вскоре понял: та, которую он хочет рассмотреть, абсолютно не интересуется тем, что происходит вокруг.

Джон обладал мужественной внешностью, у него была волевая челюсть, нос из тех, что называют породистыми, глаза цвета морского неба, темно-каштановые волосы, резко очерченные скулы и веки с азиатской складкой. К этому добавлялись сто восемьдесят семь сантиметров роста и девять килограммов живого веса, состоящего в основном из мускулов. Он отлично знал, что имеет все основания не тушеваться рядом с любой девушкой, и сейчас надеялся, что незнакомка не отвергнет его знаки внимания.

Он сидел, смакуя напиток, и изредка поглядывал в ее сторону. Она действительно была очень хороша, у нее были глаза необычной серо-зеленой расцветки, нежные линии чуть вздернутого носа, красиво очерченные губы, свободно выющиеся светло-русые волосы, изумительная фигура. Причем в ее облике, Джон это ясно видел, было что-то глубоко спрятанное, что всегда притягивает.

Дождавшись, пока возле нее освободится место, сел рядом. Помедлив, сказал:

– Добрый вечер.

Несколько секунд она вглядывалась в стойку, так, будто с огромным напряжением пыталась понять, что он от нее хочет. Наконец, удостоив его коротким взглядом, обронила еле слышно:

– Добрый вечер.

Чуть приподняв бокал и делая вид, что разглядывает его на свет, Джон спросил:

– То, что я сел рядом, не доставляет вам неудобств?

– Не доставляет.

– Seriously?

– Seriously. – Она продолжала говорить еле слышным шепотом, практически беззвучно.

– Спасибо.

– Пожалуйста. – Ее холодность была просто-таки демонстративной. Она явно давала понять, что разговор, который он пытается затеять, ей в тягость.

Ладно, подумал он, не получается, значит, не получается. Девушка в самом деле хороша, но, судя по ее настроению, лезть к ней сейчас не имеет никакого смысла.

Потягивая скотч, он попытался понять, кто она. Скорее всего, студентка, Колумбийский университет отсюда совсем недалеко. Одета хорошо и стильно, в темно-изумрудное платье с короткими рукавами. На шее золотая цепочка, на длинных тонких пальцах правой руки, указательном и безымянном, два кольца с бриллиантами. Бриллианты настоящие. Но обручального кольца нет.

Да, возможно, это студентка, какая-нибудь дочь богатых родителей. Единственное, что против этого, – легкий акцент, очень похожий на славянский.

Он посмотрел на бармена, но тот, встретив его взгляд, недоуменно поднял брови: «Рад бы помочь, старина, но я первый раз ее вижу».

Прошло минут двадцать, во время которых девушка пару раз дотронулась губами до соломинки, потягивая напиток. Затем, посмотрев на изящные часики на левой руке, которые показывали начало десятого, правой машинально тронула колени. Похоже, она рассчитывала

что-то на них найти. Не найдя, несколько раз похлопала себя по коленям, после чего нагнулась, глядя под табуретку. Вид у нее при этом был встревоженный.

Поскольку Джон тоже смотрел под табуретку, она, встретившись с ним взглядом, досадливо сморщила нос.

– Что-то не так? – поинтересовался Джон.

– Д-да... – Выпрямившись, поправила волосы. Глубоко вздохнула. – Черт... Я потеряла сумочку.

– Потеряли сумочку?

– Да. Наверное, потеряла.

– Наверное? – Джон смотрел на нее с сочувствием, и она добавила:

– Вообще, не знаю, мне казалось, она была у меня на коленях. Но может, я оставила ее в машине.

Бармен, слышавший эти слова, чуть заметно шевельнул бровью, при этом его лицо стало скучным.

– Там было что-то ценное? – спросил Джон. Девушка бросила на него короткий взгляд и тут же отвернулась.

– Ничего особенно ценного. Деньги, кредитные карточки, ключи от машины. Просто я теперь не знаю, как открою машину. И чем расплачусь.

– Не волнуйтесь, – сказал Джон. – Я за вас заплачу. Смерив его взглядом, переспросила:

– Вы?

– Да, я. – Он достал бумажник.

Секунду она раздумывала, но тут же тряхнула головой:

– Ради бога, не нужно за меня платить.

– А что вы предлагаете?

– Не знаю. Пусть меня отведут в полицию.

– Да нет, я в самом деле за вас заплачу. – Он вытянул из бумажника несколько кредиток. – Отдадите, когда встретимся снова. Джерри, сколько тебе должна леди?

– Двадцать с мелочью, – сказал бармен. Положив на стойку двадцать пять долларов, которые Джерри тут же убрал, Джон спрятал бумажник. Тронув губами соломинку, девушка сделала глоток. Покосилась:

– Спасибо.

– Не за что. Рад был вам помочь.

Девушка промолчала, и он добавил:

– Вы уходите или остаетесь?

– Ухожу. – Сказав это, она принялась изучать какую-то точку перед собой. – Правда, не знаю, как я теперь попаду в машину. Ключей-то нет.

Обдумав ситуацию, он некоторое время делал вид, что занят исключительно скотчем. Наконец сказал:

– Если вы не против, я могу вас довезти.

– Да? – Убрала рукой прядь со лба. – Что, в самом деле?

– В самом деле, если вы не против.

– Ну... – Помолчала. – Я не против. Довезите.

– Вы далеко живете?

– Да нет, с другой стороны парка, на Пятой авеню. С другой стороны Центрального парка, на Пятой авеню, могли жить только очень богатые люди.

– Хорошо, договорились. – Он положил на стойку банкноту, расплачиваясь за свой скотч. – Кстати, меня зовут Джон.

– Меня Лина.

– Очень приятно. Что, пошли?

– Пошли.

Выйдя из бара, Джон огляделся. Поставить машину здесь, на вечерней Коламбус-авеню, в это время суток, да еще в воскресенье, было довольно трудно. Машины вдоль тротуаров с двух сторон улицы стояли одна к другой впритык.

Проследив за его взглядом, Лина спросила:

– Что вы ищете?

– Ищу место, где вам удалось поставить машину.

– Вот. – Она подошла к двухместному серебристому «порше». Время оплаты за стоянку было просрочено, счетчик рядом с машиной был выключен, к ветровому стеклу прикреплена штрафная квитанция.

Пригнувшись к боковому стеклу, всмотрелась. Вздохнула:

– Я оставила на сиденье жакет. Возможно, сумочка под ним. – Выпрямилась. – Ладно, теперь уже ничего не сделаешь. Пошли?

– Пошли, только, может, я все же сниму квитанцию? – Снял квитанцию. – Вас что, не волнует, что вашу машину отбуксируют и она окажется в руках полиции?

– Волнует, но я не виновата, что у меня пропала сумочка.

– Не виноваты, вы правы. Идемте, моя машина стоит за углом.

Когда они сели, спросил:

– Куда едем?

– Давайте прямо в проезд. Мой дом сразу за Пятой авеню, он стоит в глубине между Восточной Восемьдесят четвертой и Мэдисон.

Дав газу, он пересек авеню Централ-Парк-Вест и въехал в окаймленный каменными стенами проезд, рассекающий весь Центральный парк. Лина сидела, безмятежно глядя вперед, изредка легким движением головы отбрасывая спадающие на лоб волосы. Она хороша, подумал он, пожалуй, даже слишком хороша. Да еще живет на Пятой авеню и ездит на «порше» последней модели.

Выехав из проезда, свернул на Восточную Восемьдесят четвертую улицу. Сбавив скорость, спросил:

– Куда дальше?

– Встаньте у тротуара.

Свернув, затормозил у тротуара. Посмотрел на Лину – она сидела, покусывая губу, так, будто раздумывала, стоит выходить или нет.

Выключив мотор, спросил:

– Какие-то проблемы?

– Не знаю.

– Не знаете?

– Да, не знаю.

– Простите, но... – Он помолчал. – Вы живете одна?

– Одна. Слушайте, у вас есть здесь мобильник?

– Есть.

– Дайте, пожалуйста.

Открыв бардачок, протянул ей телефон. Набрал номер, подержала трубку у уха. Отключив связь, положила телефон на сиденье.

Он ждал, что она объяснит свое поведение, но она молчала. Покосившись, спросил:

– Что-то не так?

– Еще не знаю. Джон, может, посидим еще в баре?

– Вы хотите вернуться в «Мершантс»?

– Зачем в «Мершантс», бар есть тут рядом, на Мэдисон. Посидим там. Насчет денег не волнуйтесь, затраты я возмещу.

– Перестаньте, о каких затратах вы говорите. Какой бар вы имеете в виду? «Коллинз»?

– Да, «Коллинз», здесь, на Мэдисон. Там неплохо.

– Хорошо, я вас приглашаю, едем в «Коллинз». Только не уверен, удастся ли мне втиснуть куда-то свою телегу.

– Так зачем ехать, оставьте ее здесь, это стоянка для гостей нашего дома. Пойдем пешком, идти два блока. Только захватите телефон.

– Хорошо. – Взяв телефон, вышел из машины.

Бар «Коллинз» на Мэдисон-авеню был заполнен только наполовину. После того как они сели за столик в углу и Джон заказал «Кампари-Оранж», Лина улыбнулась обольстительной улыбкой, от которой у него учащенно забилось сердце.

– Спасибо, Джон. Тихая пристань.

– Да, здесь мило.

– Может, расскажете о себе?

– О себе?

– Да. Кто вы, чем занимаетесь, где живете и все такое.

– Что? Вам это интересно?

– Почему нет? Конечно интересно. Мы же сидим вместе в баре.

Потянув через соломинку коктейль, посмотрел на нее в упор. Его взгляд ничуть ее не смутил, она по-прежнему смотрела на него с невинным видом, продолжая улыбаться.

Джон был сыном состоятельных родителей, но в Тенафлае, штат Нью-Джерси, где он родился и рос до семнадцати лет, он, по настоянию отца, окончил обычную школу. Он был самым большим драчуном и капитаном футбольной команды, считаясь при этом еще и компьютерным гением. Поступив после школы в Вест-Пойнт и окончив академию в звании второго лейтенанта, он сразу же попал в разведку особой воздушно-десантной части «Дельта Форс». С небольшими группами этой части он побывал в нескольких горячих точках, бывало, что он попадал в серьезные переделки. Действовал он в основном в составе небольших автономных групп. Судя по наградам и благодарностям, а также нашивкам, которые прибавлялись на погонах, во всех местах, куда его посылали, он проявил себя неплохо. Однако после легкого ранения, из-за которого один его глаз стал видеть чуть хуже другого, приговор врачей был неумолим: со службой в спецчастях он должен проститься. Ему предложили несколько мест, связанных с бумажной работой, что для него, дослужившегося до майора, было вполне приемлемо, но, конечно, в корне ему противопоказано. Он знал, что может все так же метко стрелять и точно приземляться с парашютом. Но спорить с врачами было бессмысленно, и он уволился из армии.

Ему была назначена приличная пенсия, но сидеть без дела он не мог и вскоре основал консультационно-детективное агентство «Консалтинг Интернейшнл». Работа была опасной, но это-то как раз ему и нравилось.

Встретив взгляд Лины, в котором соединялись легкая насмешка и искренний интерес, пожал плечами:

– Хорошо, расскажу. Но и вы мне расскажете о себе. Кто вы, чем занимаетесь и все такое.

Она надолго приложила к соломинке. Не отрываясь от нее, покосилась:

– Мне нечего рассказывать. Я ничем не занимаюсь.

– Что – совсем ничем?

– Совсем ничем. Живу, и все.

Он снова попытался прорваться сквозь ее улыбающийся взгляд, и у него снова ничего не получилось.

– Нет, серьезно, Джон, расскажите, чем вы занимаетесь?

– Я владелец одного агентства.

– Интересно... – Протянув это, отпустила соломинку. – У этого агентства есть название?

– Есть, «Консалтинг Интернейшнл». – Достал и протянул визитку: – Здесь исчерпывающие данные, спрячьте на всякий случай.

Покрутив картонку, спрятала ее в кармашек платья.

– Хорошо. А что оно делает, это агентство?

– Много. Дает консультации, помогает в маркетинге, проводит расследования.

– Расследования чего?

– Всякие расследования.

– Что, в том числе и уголовные?

– Бывает, что и уголовные.

– Надо же... – Снова приложила к соломинке. – Так выходит, вы вроде этого... вроде детектива?

– Можно считать и так.

– Вы совсем не похожи на детектива.

– А я и не должен быть на него похож.

– Надо же... – Помолчала. – Знаете, а ведь я сейчас как раз ищу детектива.

Этого он ожидал от нее меньше всего. Помедлив, переспросил:

– Ищете детектива?

– Да. Точнее, охранника. Вы могли бы поработать немного охранником? А также детективом?

– В принципе мог бы.

– Ну вот. – Она отодвинула бокал. – В десятку.

– В десятку?

– Да, в десятку. Мне сейчас нужна охрана. Надежная охрана. И человек, который умеет разбираться... скажем так, в запутанных ситуациях. Возьметесь меня охранять? А заодно помочь мне распутать одну ситуацию?

Он снова попытался проникнуть в тайну ее мыслей, но тщетно. Ее губы улыбались, но глаза, зрачки которых в середине были зелено-голубыми, а по краям карими, оставались непроницаемыми.

– Если вы серьезно, возьмусь.

– Я серьезно. Не волнуйтесь, я вам заплачу очень хорошо. Останетесь довольны. – Помолчав, спросила уже без улыбки: – Как, уговор?

– Хорошо, уговор.

– Ну и отлично. Если можно, дайте снова ваш мобильник.

– Пожалуйста.

Он протянул аппарат. Взяв его, она набрала тот же номер. Подержав трубку у уха, отключила связь. Протянула телефон:

– Все.

– Что «все»?

– Все «все». – Вдохнула. – Разве этого мало?

Она явно обладала способностями внушения, иначе он не ответил бы покорно:

– Да нет. Не мало.

Несколько секунд она изучала его взглядом, будто пытаясь понять что-то очень важное о нем. Вдохнула:

– Джон, проводите меня домой. До самых дверей моей квартиры.

– Хорошо.

– Только... Понимаете, ключи мне придется взять у портье. Поэтому, когда мы войдем в холл, ведите себя так, будто знаете меня тысячу лет. Сможете?

– Постараюсь.

– Тогда пошли.

– Пошли. – Положив на стол двадцатку, он встал. Уже подходя к выходу, Лина бросила небрежно:

– Можете даже зайти ко мне в квартиру. Выпьем по чашке кофе, если, конечно, вы не против.

– Да нет, я не против. Посторонившись, он пропустил ее вперед.

В холл дома, к которому они подошли, вели сверкающие зеркальными стеклами и позолотой деревянные двери. Толкнув одну из них, Лина вошла в тамбур и нажала кнопку звонка. Сидящий за стойкой портье поднял голову, затем, увидев ее сквозь дверное стекло, опустил руку, после чего вторая дверь тамбура загудела и открылась. Кивнув Джону, Лина вошла вместе с ним в холл.

Помещение заполнял исходящий от трех больших торшеров мягкий свет, пол был выложен мраморной плиткой, вдоль стен стояли кожаные диваны и кресла, портье в ливрее с галунами сидел за конторкой из мореного дуба.

Как только Лина приблизилась к стойке, латиноамериканец средних лет почтительно склонил голову:

– Добрый вечер, мэ.

– Добрый вечер, Роберто. Мне что-нибудь есть?

– Да, мэ. – Сунув руку под конторку, Роберто протянул конверт. – Мистер Луксман оставил для вас.

– Давно он был?

– Примерно часа с два.

– На словах ничего не просил передать?

– Ничего. Только оставил конверт.

– Ладно. – Взяла конверт. – Слушай, Роберто, я потеряла ключи, выручи, пожалуйста.

– Конечно, мэ.

– У тебя ведь есть запасные?

– Конечно. – Открыв ящик, портье протянул связку ключей. – Берите. Я закажу новые.

– Отлично. – Взяв ключи, улыбнулась Джону: – Пошли.

Квартира находилась на девятнадцатом этаже. Когда они вошли, в прихожей автоматически зажегся скрытый в углу светильник, распространивший вокруг себя тусклую зеленую ауру. Лина кивнула:

– Джон, проходите. Что вам сделать? Скотч, бурбон, коктейль?

– Скотч, если не трудно.

– Не трудно. Проходите на балкон. Я сделаю скотч и переоденусь. Проходите вот сюда.

Повинуясь ее жесту, он прошел через две большие комнаты на балкон, открытый и неприлично просторный. Вдоль стен, увитых плющом, стояли кадки с пальмами и магнолиями, к перилам были прислонены сложенные шезлонги, в углу стоял стол, окруженный стульями.

– Садитесь. – Подождав, пока он сядет, кивнула: – Сейчас будет скотч.

Поставив через пару минут на стол скотч, Лина исчезла уже надолго.

Взяв стакан, он принялся рассматривать открывающуюся отсюда панораму. На фоне темно-голубого неба хорошо были видны силуэты мигающих огоньками небоскребов на той стороне парка, редкие светляки фонариков в самом парке и освещенные прожекторами

колонны Метрополитен-музея. Звук машин, мчащихся по Пятой авеню, сюда почти не долетал, и это создавало иллюзию, что перед ним не настоящий город, а огромная декорация.

Лина вернулась минут через двадцать. На ней были короткое ситцевое платье-халат, легкие домашние туфли, в руке она держала бокал с коктейлем.

Присев, состроила гримасу:

– Я долго? Он улыбнулся:

– Долго, но я выдержал.

– Люблю сидеть здесь и смотреть на парк. – На секунду приложила к соломинке. – Вид ведь хороший, правда?

– Да, вид замечательный. – Пригубив скотч, спросил: – Давно вы здесь живете?

– Да нет, года три. – Она вздохнула, видимо думая о своем. – А вы где живете? На Западной Восемьдесят четвертой?

– На Западной Восемьдесят четвертой, в доме двадцать один, примерно там, где мы сели в машину. – Сделав глоток, встретил ее взгляд. – Насколько я понял, вы родились не в Нью-Йорке?

– Да, я родилась далеко отсюда. – Потянув через соломинку коктейль, тряхнула головой. – Чего вы вообще хотите сейчас?

Встретив ее смеющийся взгляд, откинулся на стуле.

– Лина... Я многого хочу.

– Например?

Увидев ее глаза, сказал сам себе: «Все, сейчас я поплыву. Выдержать такой взгляд невозможно. Он зовет, манит, да что там манит – засасывает».

Может быть, именно поэтому он ответил, почти не скрывая иронии:

– Да многого. Например, просто сидеть здесь с вами и смотреть на звезды.

– Сидеть и смотреть на звезды? Скажите, а вы любите танцевать?

Несколько секунд он смотрел ей в глаза, уже не пытаясь сопротивляться колдовству взгляда. Она ободряюще улыбнулась:

– Пойдем?

– Хорошо. – Он встал. Помедлив, картинно поклонился: – Разрешите вас пригласить?

– Да... – Подождала, пока он ее обнимет. – Потанцуем пока без музыки, ладно?

– Ладно.

Он начал медленно кружить ее, чувствуя, что под платьем у нее ничего нет, ощущая странный, волшебный запах ее духов, напоминающий запах полыни, и понимая, что еле сдерживает себя, чтобы не поднять ее сейчас на руки и не унести в комнату.

Продолжая кружиться, она сказала:

– А вы хорошо танцуете. У вас есть чувство ритма.

– Спасибо. Вы тоже прекрасно танцуете.

– Я не танцую, я просто кружусь. – Сказав это, она поддалась его движениям, и он сам не заметил, как оказался вместе с ней в гостиной.

В следующее мгновение он уже лежал на широкой тахте, рядом с ней. Он чувствовал ее легкое дыхание, и его губы сами нашли ее губы. Он поцеловал ее, одновременно срывая с себя одежду, и даже не заметил, как все, что на нем было, в несколько секунд оказалось на полу. Ей же не нужно было ничего снимать, халат сам сполз с нее.

Глава 3

Проснувшись, Джон увидел сначала белый потолок, затем бледно-желтую стену, на которой висела картина Поллака, и затем, повернув голову, – Лину. Она лежала рядом с ним на животе, одна рука была откинута в сторону, другая обнимала подушку. Простыня, которой

была накрыта Лина, лишь наполовину прикрывала ее спину, чуть изогнутую и покрытую ровным загаром. Но и этого было достаточно, чтобы понять, как совершенна ее фигура.

Кусок неба за открытой дверью на балкон был серебристо-розовым, это означало, что рассвет давно уже наступил. Он помнил, как вчера, перед тем как они окончательно заснули, она постелила простыни и бросила на тахту подушки. И они, утомленные донельзя после взаимных ласк, провалились в сон прямо здесь, в гостиной. Черт, подумал он, у него в жизни было множество любовных связей, но близость с этой женщиной оказалась чем-то совершенно особенным. С ним никогда в жизни ничего подобного не происходило, он и сейчас не может опомниться от случившегося. Лина оказалась самой идеальной женщиной в физическом смысле, которую он когда-либо встречал, при этом она оказалась еще и самой нежной, самой искусительной, самой желанной, самой понимающей – понимающей его, именно его, Джона Лейтнера. Сейчас, когда она лежит, прижавшись щекой к подушке и легко дыша, он не может поверить, что все это случилось. Что она всю ночь принадлежала ему, только ему одному.

Часы на стене показывали половину девятого. Вообще-то в это время ему уже полагалось ехать в агентство. Ничего, подумал он, агентство потерпит.

Осторожно, чтобы не разбудить Лину, сел на тахту. Рядом, на серо-зеленом пушистом ковре, валялась его одежда. Собрав ее, отправился в ванную, оказавшуюся в другом конце огромной квартиры. Принял душ, оделся, повязал галстук, прошел на кухню. Найдя кофеварку, сварил кофе, поставил на поднос кофейник, чашки, молочник со сливками и сахарницу и вернулся к Лине.

Она лежала в той же позе и дышала так же ровно.

Он сидел в кресле, решая про себя, стоит ли ее будить, как вдруг, не меняя позы, она прошептала:

- Ты давно здесь сидишь?
- Да нет. Ты проснулась?
- Еще не знаю. – Повернувшись, приподнялась на локте, протерла глаза. – Да, почти.
- Я на всякий случай принес кофе.
- Очень мило с твоей стороны.
- Какой кофе ты любишь? Черный? Со сливками?
- Со сливками, но без сахара.

Налив ей и себе, протянул чашку. Взяв ее, она сделала несколько глотков, поставила чашку на пол, натянула на себя простыню:

- По-моему, ты куда-то собрался? Или я ошиблась?
- Нет, не ошиблась, мне нужно в агентство.
- Да? – Помолчала. – Но мы ведь договорились, что ты будешь меня охранять? Ты ведь сказал вчера слово «уговор», и я сказала, что заплачу за это. Это было?
- Ну... Да, было.

– Значит, с этого момента ты должен был считать себя моим охранником. И забыть обо всем, в том числе и о своем агентстве. – Допив чашку до конца, посмотрела на него: – Я слушаю.

– Лина, но сегодня понедельник, меня будут ждать клиенты. Я должен хотя бы отменить встречи.

Она отвернулась, делая вид, что страшно интересуется чем-то в окне. Вдохнула:

– Ладно, можешь не отменять свои встречи. Как, намерение охранять меня у тебя еще осталось?

– Осталось.

– Тогда подойди, пожалуйста, к секретеру, он вон там, в углу.

Подойдя к секретеру, он посмотрел на нее, и она кивнула:

– Открой верхний ящик, поищи, там должна быть чековая книжка. И захвати ручку.

Выполнив ее указания, он положил перед ней чековую книжку и ручку. Открыв книжку, она заполнила чек, протянула:

- Это аванс. Охрана мне потребуется на несколько месяцев. Может быть, на год.
- От чего это будет зависеть?
- От обстоятельств.

Взяв чек, увидел выписанную на его имя сумму, сто двадцать тысяч долларов. Чек был от банка «Саут-истерн юнион», владелица счета была обозначена как Лина Гжибовски.

Изучив чек, посмотрел на нее, пытаюсь понять, насколько все это серьезно. В общем-то все ее разговоры об охране он до этого момента всерьез не воспринимал.

- Что-то не так? – спросила она.
- Да нет, все так.
- Думаю, этой суммы достаточно. Или нет?

– Вполне достаточно. – Он сказал это автоматически. Он все еще не верил, что все происходит всерьез, к тому же он отлично понимал, что, сначала разделив постель с женщиной, а потом получив от нее чек на сто двадцать тысяч долларов, он поставил себя в ложное положение. Но выхода не было, не отдавать же чек обратно. И если она действительно хочет, чтобы он ее охранял, он не должен делать эту работу бесплатно.

Понаблюдав за ним, она сказала:

– Ладно, поезжай, проводи свои встречи. А в середине дня позвони сюда, и мы решим, где встретиться, чтобы подписать официальный договор. Запиши мой телефон.

– Говори, я запомню.

Назвав номер телефона, который она два раза набирала вчера, добавила:

– Да, и вот что. Найди на секретере запасные ключи от моей машины. – Подождала, пока он найдет на секретере ключи. – После того как мы с тобой созвонимся, пригони ее сюда. Если, конечно, ее еще не отбуксировали. Светлый ключ от дверцы, желтый – зажигание.

– Хорошо. Только знаешь, середина дня – понятие растяжимое. Во сколько точно позвонить?

– Позвони между часом и двумя.

– Хорошо. – Он опять встретился с ней взглядом и пожалел об этом. Ее глаза напоминали две льдышки. – Значит, до середины дня?

– Да, до середины дня. – Подтянула простыню к самому горлу. – Сможешь открыть дверь?

– Конечно.

Подойдя к двери, он открыл ее и вышел.

Глава 4

После того как Джон ушел, Лина, закутавшись в простыню, встала и подошла к окну. Некоторое время стояла, рассматривая Пятую авеню и зеленеющий за ней Центральный парк. Перекрестившись, стала, как в детстве, быстро шептать: «Господи, помоги мне, Господи, помоги мне, Господи, помоги мне...» В детстве к этой просьбе она прибегала только в самом крайнем случае, когда ей было совсем плохо.

Вздохнув, подумала: конечно, Джон тоже может предать ее – так же, как предали остальные. И все же в его поведении есть что-то, что оставляет ей надежду. Во всяком случае, сейчас она уже не чувствует себя летящей в пропасть, как это было вчера, до встречи с ним.

Прошла в ванную, приняла душ и села перед зеркалом, разглядывая собственное лицо.

Осмотр ее удовлетворил. Лицо оказалось даже свежее, чем она ожидала, сейчас она выглядела не на свои двадцать семь, а лет на пять моложе. При этом она снова чувствовала себя полной сил, к ней вернулось ее самообладание.

Вздыхнув, потрепала волосы. Ведь вчера она была приговорена, ее должны были убить, и сделать это должен был Майлс, человек, которому до этого она абсолютно доверяла. И которого, как ей казалось, любила. Господи, как это было страшно. И как мерзко.

Майлс уже почти задушил ее; полотенце, которое он, зайдя сзади, накинул ей на шею, сжималось все туже и туже. Она уже готова была опустить руки и прекратить сопротивление, в ее глазах плыли зеленые круги, и какой-то комариный писк в голове повторял: «Не сопротивляйся, уплыви, уплыви». Только потом она поняла, что этот комариный писк уговаривал ее уплыть в смерть.

Ее спасло то, что в последний момент ее рука, лихорадочно шарящая по кухонному столу, нащупала этот предмет, тяжелый молоток для отбивания мяса. Рука сама сжала рукоятку молотка, сама ударила этим молотком в висок Майлса. Ударила раз, второй, третий. И Майлс ее отпустил. И сам упал, весь в крови.

Передернувшись, закрыла лицо руками. Посидев так несколько секунд, снова посмотрела в зеркало. Подумав, достала лак, кисточку и стала обновлять маникюр. Нет, сегодня она совсем не чувствует себя курицей, растерявшейся при виде занесенного над ней ножа. Она может спокойно обдумать все.

Она понятия не имеет, что представляет собой в действительности этот крепкий и сильный парень, Джон Лейтнер. Может, он совсем не таков, каким кажется, но, так или иначе, встреча с ним помогла ей прийти в себя. Теперь она знает, что вполне может себя защитить, ей нужно только с достоинством выдержать встречу с Кеннетом. Ну а потом... Потом в конце концов ей позвонит этот Джон, и тогда выяснится, на что он способен.

В записке, которую ей вчера передал портье Роберто, Кеннет написал, что придет сегодня в двенадцать дня. Конечно, Кеннет уже знает, что с Майлсом произошел какой-то прокол. Правда, что именно случилось с Майлсом и где сейчас находится Майлс, он знает вряд ли. Во всяком случае, она надеется, что не знает. Вряд ли Майлс второй раз предал ее и все рассказал Кеннету. Но и без Майлса ее дела плохи. Кеннет знает, что его трюк сорвался, терять ему теперь нечего, и он сделает все, чтобы ее убить. О господи... Конечно, раз Кеннету пришла в голову идея убить ее, он это сделает. Кеннет – человек испорченный до мозга костей, прожженный циник, человеческая жизнь для него ничто. Если он решил ее убить – он ее точно убьет. С его-то деньгами.

А ведь когда-то он ей нравился. Бывали даже моменты, когда она считала, что любит его. Сейчас же ей просто непонятно, как она могла целых два с половиной года иметь с ним дело.

Подождав, пока высохнет лак, прошла в одну из комнат. Открыла ящик секретера, достала шкатулку, а из нее – небольшой пистолет системы «Байонн». Этот пистолет она купила по случаю два года назад и тогда же взяла несколько уроков, чтобы научиться им пользоваться. Правда, вскоре она благополучно о нем забыла.

Вытащила и вставила на прежнее место обойму, оттянула предохранитель. Конечно, не дай бог, чтобы ей пришлось прибегнуть к помощи этого пистолета. Но она хорошо знает Кеннета. Она знает точно: ему зачем-то нужно ее убить. Зачем, она не может понять до сих пор, но раз ему это нужно, он рано или поздно своего добьется. И ей, чтобы хоть как-то обезопасить себя, сейчас, до момента, когда ей позвонит Джон, ничего другого не остается, как понадеяться на этот пистолет. Стрелять из него она не будет, но если дело дойдет до серьезного, она просто достанет пистолет и наставит ствол на Кеннета. И тот тут же наложит в штаны.

Взяла пистолет, вернулась в ванную. Открыла шкаф, в котором было сложено чистое белье, и засунула «байонн» под стопку полотенец.

Разобравшись с первоочередными делами в агентстве, Джон нажал клавишу селектора:
– Эйнджи, как там насчет кофе?
– Несу...

Войдя в кабинет, секретарша, тридцатилетняя толстушка в очках, с гладко забранными назад волосами, поставила на стол поднос с кофейником, налила кофе в чашку и тут же ушла.

Сделав глоток, он повернулся к окну. Принадлежащее ему агентство «Консалтинг Интернейшнл» занимало секцию на двенадцатом этаже большого здания, расположенного на углу Пятой авеню и Восточной Сорок первой улицы. Окна агентства выходили точно на Публичную библиотеку и Брайант-парк, и открывающийся из них вид оживленных авеню и улиц его всегда успокаивал. Временами же, как, например, сейчас, располагал к размышлениям.

Потягивая кофе, он вспомнил вчерашний вечер и некоторые странности в поведении Лины. Очень похоже, она опасалась, что в ее квартире окажется кто-то еще – она дважды набрала свой домашний номер, прежде чем пригласить его к себе. Затем портье передал ей письмо от некоего мистера Луксмана. Фамилия Луксман наводила на мысль о семье миллиардеров Луксман, отца и сына, владельцев империи недвижимости, в которую входят наиболее крупные здания и самые дорогие гостиницы Нью-Йорка. Если это кто-то из этих Луксманов, скорее всего сын, то объясняется многое. И серебристый «порше», и роскошная квартира, и чек на сто двадцать тысяч долларов, которые Лина выписала ему одним росчерком пера.

Попытался вспомнить все, что знал о Луксманах. Фред Луксман, которому под восемьдесят, и его сын Кеннет Луксман, которому за пятьдесят и за которым тянется слава известного плейбоя, – постоянные объекты внимания нью-йоркской желтой прессы. Судя по той же прессе, империя недвижимости Луксманов держится в основном на старшем, Фреде, что же касается его сына, тот больше известен многочисленными браками и амурными похождениями. И очень похоже, что Лина опасается именно этого Луксмана.

Ладно, подумал он, что гадать. Когда он позвонит Лине и они встретятся, все выяснится в любом случае. Раз она нанимает его как охранника и детектива, в любом случае должна будет рассказать все о своих отношениях с мистером Луксманом, который вчера оставил для нее письмо.

В половине второго он набрал номер Лины. После одного длинного гудка трубка щелкнула, сухой мужской голос спросил:

– Хэлло?

– Простите, я могу поговорить с Линой?

– Кто ее спрашивает?

– Это я хотел бы спросить у вас – кто мне отвечает?

– Сэр... – Сухой голос помолчал. – Лина в настоящий момент не может взять трубку, но мне крайне важно, чтобы вы сейчас сообщили свое имя.

– Вам – это кому? – Голос медлил с ответом, и Джон добавил: – Простите, сэр, но я не имею никакого желания сообщать свое имя человеку, которого не знаю. Назовитесь сначала вы.

Пауза, наступившая в трубке, явно затянулась. Наконец голос сказал:

– С вами говорит детектив манхэттенского отдела по расследованию убийств Берри. Теперь я хотел бы знать, с кем говорю?

Подумал: неужели Лину убили? Секунду помедлив, сказал:

– Вы говорите с директором фирмы «Консалтинг Интернейшнл» Джоном Лейтнером.

– Очень приятно, мистер Лейтнер. Откуда вы говорите?

– Из своего агентства.

– Где оно находится, это агентство?

– На Пятой авеню, напротив Публичной библиотеки. Что случилось с Линой?

– Нехорошая история.

– Какая нехорошая история? Она жива?

– Думаю, что жива.

– Можно с ней поговорить?

- Нельзя.
- Почему?
- Ее здесь нет. Будьте добры, мистер Лейтнер, объясните, почему вы звоните в квартиру мисс Лины Гжибовски?
- Потому что мы с ней договорились, что я позвоню ей сегодня между часом и двумя.
- Договорились когда?
- Сегодня утром. – Где?
- У нее дома.
- То есть в том месте, куда вы сейчас звоните?
- Да, в том месте, куда я сейчас звоню.
- Значит, сегодня утром вы были у нее в квартире?
- Я уже сказал, что был.
- И с какого момента вы находились в ее квартире? Помедлив лишь секунду, сказал:
- Со вчерашнего вечера.
- То есть вы провели в квартире мисс Гжибовски всю ночь?
- Да, всю ночь.
- Понятно. – Из трубки доносились неясные шорохи. – Простите, мистер Лейтнер, в каких отношениях вы находитесь с мисс Гжибовски?
- В чисто деловых. Она мой клиент.
- Ваш клиент?
- Да. Между мисс Гжибовски и моим агентством заключен договор об охране ее жизни.
- Об охране ее жизни? Интересно.
- Не вижу ничего интересного. В задачи фирмы «Консалтинг Интернейшнл» входит в том числе и охрана жизни частных граждан. Что, полиция что-то имеет против этого?
- Нет, полиция ничего не имеет против этого. – Голос издал звук, напоминающий покашливание.
- Мистер Берри, что случилось с мисс Гжибовски?
- Случилось то, что возникла чрезвычайная ситуация, о которой по телефону я говорить не могу. Вы можете назвать точное время, когда вы последний раз видели мисс Гжибовски?
- Последний раз я видел ее примерно в девять тридцать утра.
- И с тех пор вы ее не видели?
- Не видел.
- И не слышали?
- И не слышал.
- Мистер Лейтнер, вы могли бы сейчас сюда приехать? Нам крайне важно выяснить некоторые обстоятельства, касающиеся мисс Гжибовски.
- Помедлив самую малость, сказал:
- Да, конечно, я подъеду, но не обещаю, что это будет скоро. Мне нужно отдать кое-какие распоряжения и взять со стоянки машину. Да и доехать отсюда до Верхнего Ист-Сайда сейчас не так просто.
- Да, конечно, мы все понимаем, мистер Лейтнер. Подъезжайте, как сможете, мы будем ждать вас в любом случае.
- Отключив связь, нажал кнопку и, как только Эйнджи вошла, сказал:
- Нужно срочно отпечатать десять экземпляров договора на обслуживание нового клиента, которого зовут Лина Гжибовски. Точное написание имени есть на чеке, который я сегодня утром передал бухгалтеру. Сразу от меня зайдите к ней, возьмите копию этого чека и не забудьте принести сюда.
- Хорошо. О чем договор?

– Об охране жизни Лины Гжибовски и обеспечении ее консультационными услугами сроком на один год. Отметьте в договоре, что аванс в размере ста двадцати тысяч долларов получен. Договор должен быть помечен вчерашним числом. Десять экземпляров, потому что мне нужны два абсолютно идентичных договора в пяти экземплярах каждый. Потом я вам все объясню. Пожалуйста, поторопитесь, сейчас важна каждая минута.

– Хорошо, шеф, постараюсь сделать все как можно быстрее.

Вернувшись через десять минут, Эйнджи положила перед ним стопку бумаг:

– Десять экземпляров, как вы просили. Сверху лежит копия чека.

– Эйнджи, вам придется сейчас изобразить на пяти экземплярах договора подпись Лины Гжибовски, скопировав ее с чека. Всю ответственность я беру на себя, скажете, я заставил вас сделать это под дулом пистолета.

– Подумаешь, нарушение закона.

Подождав, пока Эйнджи распишется, он спрятал договора в кейс, спустился вниз, сел в «хонду» и направил машину в сторону Коламбус-авеню.

Глава 5

Серебристый «порше» стоял на Коламбус-авеню там же, где он видел его вчера, причем на ветровом стекле красовались уже две новые квитанции. Сняв их, сел в машину, приподнял жакет и обнаружил под ним изящную женскую сумочку. Спрятав ее в кейс, отогнал «порше» в платный гараж и, вернувшись к «хонде», подъехал к дому Лины.

Место у дома выглядело оживленным, вдоль передвижных металлических перегородок стояли фоторепортеры и телевизионщики, за ними дежурили два полицейских, у дома стояли «скорая помощь», спецмашина для перевозки покойников и патрульная машина полиции.

Миновать полицейский кордон и подняться на девятнадцатый этаж он смог лишь после того, как один из полицейских позвонил снизу детективу Берри.

Двери квартиры Лины были распахнуты настежь; пройдя в гостиную, он увидел, что точно рядом с тахтой, на которой они с Линой провели эту ночь, лежит накрытое простыней тело.

Детектив Берри, сухощавый человек средних лет в очках, с волосами, представляющими собой светлые растрепанные кудри, провел его на балкон. Когда они сели за стол, спросил:

– Вы знаете, что произошло?

– Нет, не знаю.

– Здесь, в этой квартире, убит Кеннет Луксман, один из владельцев корпорации «Луксман организейшн». Вы слышали о такой корпорации?

– Да, конечно. Давно он убит?

– Луксман был убит между двенадцатью и половиной первого дня. Учтите, у нас немного времени, потом, когда пустят журналистов, здесь начнется сумасшедший дом. Вообще, я навел о вас справки, в полиции и у федов о вас отзываются очень неплохо.

– У них нет причин отзываться обо мне плохо.

– Вы ведь знаете, что собой представляют Луксманы?

– Знаю очень приблизительно. Все, что мне о них известно, я прочел в газетах.

– У вас есть при себе что-то, что удостоверяет, что ваши отношения с Гжибовски оформлены официально?

– Да. – Джон протянул договор.

Развернув сложенную вчетверо бумагу, Берри пробежал ее глазами. Вернув, сказал:

– Гжибовски сообщила вам, чего именно она боится?

– Нет. Она просто сказала, что нуждается в охране.

– Она ничего не говорила вам о Кеннете Луксмане?

– Нет.

– Может, она намекала, что она его ждет?

– Нет, не намекала. Но я предполагал, что некто по фамилии Луксман имеет к ней отношение. Вчера, перед тем как мы с ней вместе вошли в ее квартиру, портье, которого она назвала Роберто, передал ей конверт, сказав, что этот конверт оставил мистер Луксман.

– Да, мы знаем об этом. Портье Роберто Диас сменился сегодня в восемь утра, и он рассказал, что Гжибовски и человек, которого он описал как вас, прошли вчера вечером вместе сюда, в квартиру девятнадцать ноль три. Флоренс Санчес, портье, сменившая Роберто в восемь утра, сообщила, что примерно в девять тридцать вы вышли из дома. Надеюсь, вы знаете, что Гжибовски состояла с Луксманом в длительной связи?

– Нет, она ничего не говорила по этому поводу. Она состояла с ним в длительной связи?

– Да, три года. Фактически они жили как муж и жена. Неужели она ничего не сказала об этом?

– Нет, ничего. Что вообще здесь произошло и как?

– По показаниям портье Флоренс Санчес, Кеннет Луксман пришел сегодня к Гжибовски в двенадцать часов дня. Примерно без двадцати час Гжибовски одна вышла из дома, ничего не сказав портье. Вскоре после ее ухода портье позвонили соседи, сообщившие, что слышали в квартире девятнадцать ноль три звуки, напоминающие звуки выстрелов. Портье тут же позвонила в квартиру девятнадцать ноль три и, не дождавшись ответа, вызвала полицию. Полицейские, вскрыв квартиру, обнаружили в ней мертвого Кеннета Луксмана. Он был убит выстрелом в упор, предварительный осмотр показал, что пуля попала в сердце. Судя по найденным недалеко от тела трем гильзам, пули были выпущены из пистолета небольшого калибра типа «байард» или «байонн». Две пули застряли в стене, одна попала в цель. Мы навели справки и выяснили, что два года тому назад Гжибовски получила разрешение на владение оружием, зарегистрированным как пистолет системы «Байонн». Надеюсь, вы согласитесь: никаких сомнений в том, что Луксмана убила Лина Гжибовски, быть не может?

– Не знаю.

– Но ведь факты говорят сами за себя.

– Еще раз повторяю, мистер Берри, не знаю. Вообще, я не очень доверяю фактам, которые говорят сами за себя. К тому же все, о чем вы мне рассказали, является лишь косвенными доказательствами.

– Понимаю вашу позицию. Ваша задача охранять подопечную, а не топить ее. Хорошо, спасибо, что пришли, не буду больше вас задерживать. – Берри протянул визитную карточку. – Это мой телефон в отделе по расследованию убийств, как только вы узнаете что-то о местопребывании Лины Гжибовски, и не только о местопребывании, а вообще хоть что-то – сразу же позвоните нам. Это очень важно.

Подойдя внизу к портье-латиноамериканке, Джон положил на стойку двадцать долларов.

– Я частный детектив, меня зовут Джон Лейтнер. Это задаток, за то, что я задам вам несколько вопросов, и вы на них ответите.

– Хорошо, сэр. – Женщина спрятала банкноту в ящик под стойкой. – Я постараюсь ответить на все ваши вопросы, только не знаю, смогу ли я ответить на все из них. Я ведь тут сижу всю смену и вижу только то, что вижу.

– Не волнуйтесь, вопросы будут самые простые. Вас ведь зовут Флоренс?

– Да, Флоренс.

– Вы вроде первая поняли, что в квартире мисс Лины Гжибовски произошло убийство?

– Сэр, да, получается, первая. Только я не про убийство поняла, а про то, что там случилось что-то нехорошее.

– Как вы это поняли?

– Ну... Сначала мимо меня прошла мисс Лина, очень быстро прошла, даже не посмотрела в мою сторону. Почти тут же позвонил сосед мисс Лины, мистер Кейес, и сказал, что слышал в квартире мисс Лины звуки выстрелов. Я переспросила, может, это были не выстрелы, а просто громкие звуки, но он сказал, что ясно слышал выстрелы. Зная, что там остался мистер Луксман, я набрала номер квартиры по внутреннему телефону, но трубку никто не взял. Я подождала немного и снова позвонила, и трубку снова никто не взял. Тогда я подумала, подумала и вызвала полицию. Вот так все было.

– За время своего дежурства вы не заметили чего-то необычного?

– Да нет, ничего такого необычного я не заметила. Не считая, конечно, того, что случилось в квартире мисс Лины.

Задав еще несколько вопросов и не услышав ничего интересного, Джон достал визитную карточку, написал на ней номер мобильного телефона и передал портье:

– Хорошо, Флоренс, спасибо. Если мисс Лина вдруг появится или просто позвонит, скажите, мне очень нужно с ней увидеться. Независимо от того, что она вам скажет, сообщите ей номер, который я написал от руки, это мой мобильный телефон.

– Простите, сэр... – Флоренс взглянула в карточку. – Что-то я не могу разобрать всех цифр, вы так быстро написали. Продиктуйте, пожалуйста.

Он терпеливо продиктовал номер; после того как портье его записала, спросил:

– Теперь все в порядке?

– Да, сэр, теперь все в порядке. – Флоренс вздохнула. – Не знаю, пригодится ли это вам, но незадолго до того, как к мисс Лине пришел мистер Луксман, ко мне подходил один человек. Он интересовался, доставили ли мисс Лине сервиз.

– Сервиз?

– Да, утром посыльный из магазина на Мэдисон-авеню доставил фарфоровый сервиз, который прислали мисс Лине. Этот посыльный попросил мисс Лину спуститься, чтобы та посмотрела сервиз и сказала, тот ли это фарфор, который она хочет. Так вот, этот мужчина интересовался, доставили ли мисс Лине сервиз.

– Как он выглядел?

– Белый, лет на сорок, плотный, видно, что крепкий мужчина. Он говорил с русским акцентом.

– Вы уверены, что именно с русским акцентом?

– Да, сэр, я ведь живу в Бруклине. Да, и еще, я сказала об этом полиции, у него был небольшой шрам. – Портье провела рукой вертикальную черту у левого виска. – Вот здесь.

– Небольшой шрам?

– Да, он как раз повернулся ко мне этой стороной, и я случайно увидела этот шрам.

– Что, мисс Лина спустилась за сервизом?

– Да, она спустилась, сервиз ей понравился, и она взяла его и поднялась наверх.

– Ясно. – Он положил на стол еще одну двадцатку, которая тут же исчезла. – Флоренс, попрошу, если вы увидите этого человека, позвоните мне тоже, хорошо?

– Хорошо, сэр, я вам позвоню.

Вернувшись в агентство и зайдя в кабинет, он начал было просматривать бумаги, но вскоре отложил их в сторону. Было ясно, что нормально работать сегодня он уже не сможет.

Хоть он и выразил Берри сомнение, что Кеннета Луксмана убила Лина, Джон был уверен: причиной смерти миллиардера мог стать только ее выстрел. Не было у него сомнений и в том, как он должен себя сейчас вести. Лина поручила ему охранять ее, он получил от нее аванс, и цель сейчас у него может быть только одна: оберегать ее от любой опасности. В том числе и от опасности, в которую она попала, убив Луксмана.

Только тут он вспомнил, что поставил «хонду» у тротуара, но забыл бросить в счетчик дополнительную порцию двадцатипятицентовых монет.

Спустившись и остановившись у машины, услышал сзади:

– Джон...

Обернулся – Лина. В темно-синем костюме и сером берете, с висящей на плече сумкой, она стояла среди огибающих ее прохожих, глядя на него с какой-то странной улыбкой. В следующее мгновение он понял, что это не улыбка, а что-то вроде беспомощной гримасы, после которой она наверняка расплачется.

– Лина... – Подойдя к ней, взял ее под руку. – С тобой все в порядке?

– Не уверена, что все в порядке. – Ее губы дрожали. – Ты уже все знаешь?

– Да, я все знаю. Садись, обо всем поговорим в машине.

Пока они крутились по мидтауну, Лина сидела спокойно, но когда выехали на экспрес-свей, он увидел: по ее щекам текут слезы. Тронул за руку:

– Лина... Перестань, все уладится.

– Да нет, ничего не уладится. – Достав из сумки платок, вытерла слезы. – Извини, просто я уже на пределе.

– Все будет в порядке, вот увидишь.

– Ничего не будет в порядке, но спасибо. – Некоторое время она сосредоточенно смотрела вперед. – Ты в самом деле все знаешь?

– Я знаю, что Кеннет Луксман между двенадцатью и половиной первого дня был убит в твоей квартире выстрелом в сердце. И что полиция уверена, что это сделала ты.

– Полиция права, это сделала я. – Выдержав его взгляд, усмехнулась. – У тебя нет желания сдать меня полиции?

– Нет. У меня есть желание охранять тебя. Ведь у нас с тобой заключен договор об охране.

– Договора пока нет. Есть аванс, который я тебе заплатила.

– Есть и договор, в пяти экземплярах. Все пять экземпляров лежат у меня в кейсе. Когда мы остановимся, ты их подпишешь.

– Джон, мне не до договоров, но ладно. Куда мы сейчас едем?

– К Холланд-туннелю. Проедем в Джерси-Сити, там встанем где-нибудь, спокойно поговорим. Наверное, хочешь есть?

– Да, я перекусила бы что-нибудь.

– В Джерси-Сити есть несколько ресторанчиков на отшибе, подъедем к одному из них.

Выехав из Холланд-туннеля, он повернул к гавани для катеров и яхт, и почти тут же зажужжал мобильный телефон. Поднес трубку к уху:

– Хэлло? – Трубка молчала, и он повторил: – Хэлло, кто это?

Ответа не последовало, и он отключил связь.

– Кому-то очень захотелось убедиться, работает ли мой мобильник. – Открыл кейс. – Я забыл сказать, я нашел твою сумочку, она была в машине, под жакетом. Машину я поставил в платный гараж, а сумочка вот.

– Спасибо, я так и думала, что я ее не потеряла. – Взяв сумочку, открыла ее и тут же закрыла. – Слава богу, теперь хоть у меня есть кредитки.

– Кредитки у тебя есть, но советую о них забыть, если не хочешь, чтобы полиция знала, где ты в данный момент находишься.

– Я совсем не хочу, чтобы полиция знала, где я в данный момент нахожусь. Хорошо, я о них забуду. Тем более что, пока бродила по городу, я успела снять со счета десять тысяч.

Въехав в гавань, он остановил «хонду» у ресторанчика, который посещал довольно часто.

– Перекусим здесь?

– Давай, мне все равно.

– Здесь неплохо, к тому же всегда можно найти место, где тебя никто не увидит и не услышит.

Они сели на терраске у самой воды; после того как с ужином было покончено, Лина надолго замолчала, повернув голову и рассматривая виднеющийся за каналом Либерти Стейт-парк. За парком в колеблющемся вечернем воздухе была видна переливающаяся огнями панорама Манхэттена, Эллис-Айленд, статуя Свободы. Наконец, не поворачиваясь, сказала:

– Знаешь, я не хотела тебе говорить, но вчера меня чуть не убили.

– Чуть не убили?

– Да. Ты ведь знаешь, последние три года я практически жила с Кеннетом Луксманом как с мужем. Ты знаешь это?

– Знаю.

– Я не буду рассказывать, как мы с ним встретились и как все произошло. Просто у нас была любовь, во всяком случае, так мне казалось. Ну а вообще... Вообще, я родилась в Москве, я русская. У меня американское гражданство, но я... Я русская.

Вспомнив о разговоре с портье Флоренс, спросил:

– Слушай, ты, случайно, не знаешь русского лет сорока, высокого, крепкого, узколицего, светлоглазого, со шрамом вот здесь? – Он тронул пальцем левый висок.

– Нет. У меня вообще нет ни одного знакомого русского, у которого на лице есть шрамы. А что этот русский?

– Сегодня, за полчаса до того, как Кеннет Луксман пришел к тебе, этот русский подошел к Флоренс, вашей портье, и поинтересовался, доставили ли тебе заказ.

– Так он, наверное, имел в виду фарфоровый сервиз, который мне принесли утром.

– Да. Ты заказывала этот сервиз?

– Нет, не заказывала, мне его прислали.

– Кто?

– Не знаю. Скорее всего, это сделал Кеннет.

– Ты спросила у него об этом?

– Нет, мне было не до вопросов. Я же сказала, как только он вошел в квартиру, сразу обрушился на меня с руганью. А что?

– Похоже, этот сервиз тебе прислали специально. И человек интересовался, доставили ли тебе этот заказ, тоже специально. У него была какая-то своя цель. Ладно, извини, я как будто тебя прервал?

– Да нет, ты меня не прервал. Просто я хотела рассказать, как все это получилось... С Кеннетом.

– Так расскажи.

– Рассказывать надо издалека.

– Так расскажи издалека.

– Попробую. – Помолчала. – Мама у меня была театральной актрисой, а папа художником. Их уже нет в живых, они умерли, когда мне было девятнадцать лет, один за другим. Мама сильно болела, ну а папа – он просто не смог жить без нее. Они оба умерли молодыми, совсем молодыми, и меня стала воспитывать бабушка. После школы я поступила в Художественную академию, на искусствоведческий факультет, работала в Москве, в Третьяковской галерее. Потом встретила человека из фирмы Донны Каран, модельера, он перевез меня в Нью-Йорк, мы с ним оформили брак, я стала работать моделью. Потом мы с ним разошлись, а на одном из показов меня увидел Кеннет. И... – Помолчала. – Понимаешь, как бы тебе объяснить... В моей связи с Кеннетом не было никаких меркантильных соображений. Никаких. Я и до него неплохо зарабатывала у Донны Каран. Он... просто... Он меня увлек. Понимаешь?

– Понимаю.

– Ну а потом... Потом я вдруг увидела всю его изнанку. И поняла, что все эти три года имела дело с пустым местом. Но знаешь, как это бывает в жизни. Как-никак мы с ним долгое

время были связаны, он многое сделал для меня, купил квартиру, машину, положил на мой счет деньги. Вообще, когда долго вместе, не так просто все порвать. Но он мне облегчил задачу.

Ее молчание показалось Джону слишком долгим, и он решил спросить:

– Облегчил чем?

– Подсунул любовника. Правда, то, что он мне этого любовника подсунул, я поняла только вчера. Этого парня, которого мне подсунул Кеннет, зовут Майлс Гуттиеррес. Отец у него пуэрториканец, мать ирландка. Весной мы с Кеннетом были во Флориде, и на одной из парти этот Майлс оказался рядом со мной. Знаешь, в тот момент внутри меня была абсолютная пустота. А тут вдруг этот Майлс, высокий, красивый, к тому же художник, еще не признанный, но надеющийся на признание. Не очень богатый, то есть, если честно, совсем не богатый, а скорее бедный. Но меня как раз это в нем и привлекло. Именно такой человек был мне в тот момент нужен. И я, знаешь, нырнула в этого Майлса как в омут, не думая ни о чем. А вчера днем Майлс начал меня душить. И чуть не задушил до смерти.

– Не понимаю. Как это чуть не задушил до смерти?

– Так. Причем произошло это на Стейтен-Айленде, в доме, который, как Майлс мне потом признался, ему на свои деньги снял Кеннет. Все было как обычно, Майлс мне утром позвонил, я к нему приехала. Прошла на кухню, чтобы приготовить кофе. И вдруг чувствую: кто-то сзади набросил мне на шею что-то мягкое и плотное и начал душить. Уже потом я увидела, что это было полотенце.

– Он начал тебя душить, и что дальше?

– Я сначала не поняла, кто это. Я просто знала, что вот-вот умру. Стала изо всех сил выворачиваться, крутиться. И когда уже совсем подумала, что все, мне конец, вдруг нащупала на столе молоток. Знаешь, есть такие молотки для отбивания мяса. Я, конечно, не знала, что это молоток для отбивания мяса, я просто нащупала ручку и поняла, что на ней что-то тяжелое. И стала бить. Бить, бить по голове этого человека. И он в конце концов отпустил меня и упал. Он был в черной маске с прорезями для глаз, я сняла ее и увидела, что это Майлс. Зачем он надел эту маску, я не знаю, я ведь его все равно не видела, он подошел сзади. Когда я сняла маску, он был весь в крови. Я подумала, он вот-вот умрет. Знаешь, было какое-то двойственное чувство. Я понимала, что он мой убийца, и в то же время мне было его ужасно жалко. Я хотела вызвать скорую, но он стал умолять, чтобы я не вызывала. Обещал, что все расскажет. Он был совсем плох, еле говорил. На полу была целая лужа крови. Он рассказал, что это Кеннет подговорил его познакомиться со мной, объяснив, что я вроде как ему надоела. А потом, совсем недавно, Кеннет пообещал заплатить ему пятьсот тысяч баксов за то, что Майлс меня убьет. Они все разработали до точки. Ну и... – Помолчала. – Если бы не этот молоток, я бы уже была мертва.

– Что было дальше?

– Знаешь, я очень боялась, что он умрет. Майлс стал упрашивать, чтобы я не вызывала полицию и вообще никому ничего не говорила. В общем, я его перебинтовала, вызвала такси, натянула ему на голову вязаную шапку, вывела из дома. Он сказал, что прямо на этом такси поедет в аэропорт и улетит в Майами, попросил немного денег. У меня в сумочке было что-то около двух тысяч долларов, я дала ему полторы тысячи. И он уехал. Больше я его не видела.

– А потом?

– Что было потом, я сейчас плохо представляю. Я себя чувствовала просто ужасно, меня предали все, кому я верила. Знаешь, у меня даже в какой-то момент мелькнула мысль броситься с Бруклинского моста. Честное слово. К тому же я ведь понимала: раз Кеннет почему-то решил меня убить, он этого рано или поздно добьется. Ну и... Я просто ездила по городу. Мне не хотелось никого видеть, абсолютно никого. Потом я зашла в «Мершантс», а потом туда пришел ты. Не знаю уж почему, но ты меня как-то поддержал. Просто тем, что оказался рядом. – Помолчав, вздохнула. – В письме, которое мне вчера передал Роберто, Кеннет написал, что придет сегодня в двенадцать. Я не хотела, чтобы ты при этом присутствовал. Когда ты

ушел, я стала готовиться к приходу Кеннета, я ведь понимала – он уже все знает про Майлса. У меня есть пистолет, я его спрятала в ванной, под стопку белья. Когда Кеннет пришел, он сразу стал меня оскорблять. Сказал, что я потаскуха и что он меня сейчас задушит. А потом просто набросился на меня. Я вырвалась, побежала в ванную, достала пистолет. Я хотела только испугать его, но он был какой-то просто озверевший. Догнал меня, повалил на пол, стал душить. Я поняла, что он сейчас меня убьет, вырвалась и несколько раз выстрелила в него. Я не думала, что его убью, но он упал, и я увидела, что он мертв. Когда это поняла, я ушла. – Некоторое время она сидела молча. – Я была просто в безвыходном положении, ведь я понимала, что полиция меня ищет. И нет ни одного человека, который мог бы мне помочь.

– Такой человек есть, это я. Надо было позвонить мне в агентство.

– Джон... Я хотела, но я ведь не знала, как ты ко всему этому отнесешься. И... – Закусила губу. – И что будет дальше, я не знаю.

Он сам плохо представлял, что нужно делать дальше, тем не менее сказал как можно более твердым голосом:

– Дальше мы будем бороться. По тому, что я от тебя услышал, ты действовала в пределах необходимой обороны.

– Джон, какая еще необходимая оборона... Ты не знаешь отца Кеннета, если он решит кого-то уничтожить, он уничтожит его обязательно. Кеннет у него был единственный сын, он в нем души не чаял. Он наймет лучших адвокатов и добьется, чтобы меня на всю жизнь уперли в тюрьму.

– Это мы еще посмотрим.

– Джон... Я понимаю, ты хочешь меня поддержать. Но если полиция меня поймает, все кончено.

– Во-первых, я сделаю все, чтобы полиция тебя не нашла. Во-вторых, не нужно отчаиваться. – Он помолчал, перебирая аргументы. – Знаешь, очень важно выяснить, зачем Кеннет во что бы то ни стало хотел тебя убить.

– Ну вот совсем понятия не имею. Совсем.

– Вообще, ты хорошо знаешь его отца?

– Я его никак не знаю, Кеннет меня с ним не знакомил. Просто я несколько раз видела его, на каких-то парти. Он был против нашей связи, и мне кажется, он меня терпеть не может.

В ее взгляде, устремленном в сгущающиеся сумерки, чувствовалась неуверенность. Решив поддержать ее, Джон сказал:

– Не волнуйся, все будет в порядке, вот увидишь. Пока же нам надо просто найти место, где мы можем провести ночь. Причем гостиница исключена.

– Почему?

– Потому что копы наверняка начнут обзванивать все отели и интересоваться молодой женщиной с твоими приметами. Подожди, позвоню одному приятелю, у него неподалеку свой загородный дом.

Достал из кейса телефон, набрал номер, услышав знакомое «Хэлло?» Дэна Таччини, сказал:

– Дэн, привет, это Джон. Слушай, твое логово в Вихокене, оно как, сейчас свободно?

– Свободно. Что, есть надобность?

– Есть. Мне и моей приятельнице не хотелось бы светиться в Нью-Йорке. В Вихокене оно как-то спокойнее.

– Нет проблем. Ты сам-то сейчас где?

– Как раз недалеко от твоего дома, в ресторане «Сэнд-Бар».

– А, в моем любимом. Ну что, ты ведь знаешь мою соседку, миссис Дэлоун, я ей позвоню и скажу, чтобы она дала тебе ключи. Подъезжай со своей знакомой и живите сколько хотите. Все. Желаю удачи.

– Тебе тоже. – Отключил связь. – Все в порядке, дом есть, можем ехать в Вихокен. Вообще, может, посидим здесь еще?

– Да, конечно.

Они сидели, обмениваясь ничего не значащими замечаниями, и он поймал себя на мысли, что ему не хочется уходить. Он вспомнил, как Лина сказала, что он ее поддержал просто потому, что оказался рядом, и подумал, что у нее самой есть способность поддерживать, оказавшись рядом. Сейчас рядом с ней ему было легко и просто.

Глава 6

Когда, выйдя из ресторана, они подошли к стоянке, темнота накрыла всю гавань. Свет редких фонарей на столбах вдоль канала лишь подчеркивал черноту неба.

«Хонда» ждала их на своем месте.

Включив мотор, Джон направил машину к выезду из гавани. Пустынный проезд, по которому они передвигались, был освещен слабо, силуэты застывших на воде яхт еле угадывались.

У самого выезда из города он заметил стоящую у обочины машину, на вид пустую. Решив, что фары дальнего обзора уже не нужны, выключил их – и в тот же момент по корпусу «хонды» что-то часто застучало.

Сначала он подумал, что корпус обдала гравием пытающаяся обогнать его машина, но уже в следующую секунду понял: это не гравий. Кто-то, засев в тени выезда на Марин-бульвар, бьет по ним из автомата с глушителем. То, что это автомат с глушителем, он определил по характерным хлопающим звукам. Зазвенели пробитые пулями стекла.

Все, что начал делать в следующее мгновение, он делал автоматически, поскольку к таким атакам, внезапным, из-за угла, был приучен не только на бесчисленных тренировках, но и в боевой обстановке. Пригнув правой рукой Лину, пригнулся сам и, удерживая руль левой рукой, дал полный газ. «Хонда» рванула вперед.

– Что это? – Лина, голова которой была прижата его рукой к коленям, смотрела на него в ужасе.

– По нам стреляют. Застынь.

Выглянув через пару секунд, увидел, что машина, черный «стейшн-ваген», стоявшая раньше у обочины, теперь встала поперек дороги, перегородивая выезд. Они оказались в западне, и он резко свернул влево, но тут же с этой стороны заработал второй автомат с глушителем. Оценив обстановку, нащупал переключатель скорости, перевел на задний, нажал педаль газа. Машину бросило назад. Куда они едут, он понятия не имел, он видел лишь лицо Лины, которое неясно белело в темноте. Если они успеют быстро отъехать, то смогут, выскочив из «хонды», попытаться скрыться где-то на территории гавани. И, если повезет, сесть в какой-то катер и уйти от преследования.

Некоторое время пули все еще долбили обшивку корпуса и радиатор. Наконец, когда они выехали из зоны обстрела, стрельба прекратилась. Встретившись с ним взглядом, Лина прошептала:

– Джон, я боюсь... Что нам делать?

– Вываливаться из машины и бежать.

– Куда?

– Не важно куда, в машине они нас накроют. Возьмись правой рукой за ручку двери и, как только я заторможу, прыгай. И ложись на землю.

– А ты?

– Я прыгну вслед за тобой. – Резко затормозил. – Давай.

Рванув дверную ручку, Лина вывалилась из машины и, присев на корточки, пригнула голову. Выпрыгнув вслед за ней, он увидел в полутьме двери небольшого служебного здания,

припаркованные дома-трейлеры и дальше стоящие на ремонтных стапелях яхты. Посмотрел в сторону ворот, ведущих в гавань, там неясно подрагивали два людских силуэта. Те, кто стрелял по ним из автоматов, бежали сюда, но пока они были далеко.

– Лина, видишь там, за трейлерами, яхты на стапелях? Беги туда и встань у первой яхты, я подойду сразу за тобой. Давай, нам нужно как можно скорее уйти от нашей машины.

– Хорошо... – Она побежала к трейлерам. Убедившись, что те, кто бегут сюда, их пока не видят, Джон побежал за ней, схватил за руку и увлек за собой к каналу. Здесь, остановившись в тени стапеля, заметил два катера, ошвартованные у берега; сиденья одного из них были накрыты брезентом. Пригнувшись, прошептал:

– Бежим к этим катерам, быстрее.

Спрыгнув на катер, помог ей спуститься, отогнул полог:

– Под брезент, мигом.

Подождав, пока она скроется под брезентом, влез сам; прижавшись к ней, шепнул:

– Пригнись как можно ниже, голова не должна выпирать.

– Хорошо... Джон, я боюсь, вдруг они нас найдут?

– Не думай об этом. Твой пистолет с тобой?

– Да, в сумке.

– Достань его. – Нащупав ее руку с пистолетом, спросил: – Какой он марки?

– «Байонн».

– Сколько выстрелов ты из него сделала?

– Три или четыре, точно не помню.

– Обойму не меняла?

– Нет.

Взяв пистолет, оттянул и снова поставил на место предохранитель. «Байонн» против двух автоматов с глушителями был не лучшим вариантом, но все же это было огнестрельное оружие.

Он слышал ее дыхание; прижавшись губами к его уху, она прошептала:

– Джон, что теперь?

– Лежать и молчать. Долго лежать и молчать.

– А потом?

– Потом надо отвязать швартов и, не вылезая из-под брезента, дать катеру отплыть по течению в Гудзон. Если в баке осталось горючее, мы сможем дойти на этом катере куда хотим. Но даже если горючего нет, мы все равно куда-нибудь доплывем.

Примерно с полчаса они лежали, настороженно прислушиваясь. Вокруг стояла тишина, были слышны лишь слабый плеск воды и редкое постукивание катеров о причал. Несколько раз Лина пыталась заговорить с ним, и каждый раз он обрывал эту попытку, сжимая ее руку и произнося: «Тсс...»

Наконец, приблизив губы вплотную к его уху, она прошептала: «Прошла уже целая вечность, они давно ушли». «Это только кажется, что вечность, – ответил он еле слышным шепотом. – Потерпи». – «Но я не могу больше так лежать, у меня все затекло». – «Пожалуйста, потерпи еще немного. Постарайся». – «Хорошо», – прошептала она.

Почти сразу же после этого он услышал звук шагов.

Звук был совсем слабым, всего лишь еле слышное шуршание. Но в том, что это были шаги, причем не просто шаги, а почти бесшумная поступь настоящего профессионала, сомнений у Джона не было.

Предупреждая Лину, тронул ее руку. Оттянул предохранитель пистолета.

Звук шагов стих почти у самого катера. Прошло несколько секунд, и голос по-русски, скорее всего по радиотелефону, сказал:

– Косой, что у тебя? Да ну, б...дь, не говори, будто сквозь землю провалились. – Наступила долгая пауза, затем тот же голос сказал: – Да нет, Косой, я же сказал, у меня пока ноль, ноль в глухую. Нуда. Ага. Хорошо, иду.

Шаги прошуршали снова и стихли. Он чувствовал, Лина хочет что-то сказать, и каждый раз предупреждал эту попытку, сжимая ее руку. Наконец, приблизив губы к его уху, она спросила шепотом:

– Ты понял, что он сказал?

– Я понял, что они обшаривают всю территорию гавани. Ладно, полежим еще немного, и я отвяжу швартов. Потерпи.

Выждав, приоткрыл край брезентового полога, всмотрелся в темноту. В слабом отсвете дальнего фонаря можно было рассмотреть силуэт стапеля.

Продвинувшись к корме, стал осторожно шарить рукой у борта. Облегченно вздохнул: рука нащупала короткое металлическое весло. Теперь, даже если в баке не окажется горючего, он сможет заставить судно двигаться.

Не поднимая головы, осмотрел корпус. Это был катер фирмы «Макгрегор», примерно четырехметровой длины, удержать его с помощью весла он сможет легко.

Держа «байонн» на изготовку, перевалился на причал. Не вставая, снял швартов, но этого оказалось мало, катер помимо швартова был скреплен с причалом еще и цепью с висячим замком. Сорвав цепь с помощью весла, с силой провел катер вдоль причала, резко оттолкнулся и прыгнул на борт.

Пройдя по инерции, катер сделал несколько медленных вращательных движений, постепенно приближаясь к середине канала. Приготовив весло, услышал у себя под ухом шепот:

– Ну что?

– Все в порядке, нас сносит в Гудзон. Выпрямившись, начал отгребать веслом, стараясь не дать катеру приблизиться к берегу. Мимо медленно проплыли освещенные фонариками пустые террасы ресторана.

Когда на Гудзоне их подхватило течением, он понял: они спасены. Лишь сейчас он удосужился взглянуть на датчик горючего – бак был пуст. Однако это его особенно не огорчило, берег был близко.

С помощью невероятных усилий ему удалось загнать катер между двумя камнями мола. Камень, на который могла перейти Лина, был совсем рядом, тем не менее, шагнув за борт, она ухитрилась промахнуться.

Спрыгнув на камень, обернулся – течение медленно уносило катер в залив. Подсадив Лину на гранитную основу парапета, помог ей перелезть через ограду, перебрался сам. Заметив, что она дрожит от холода, набросил на нее свой пиджак:

– Потерпи. И учти, все изменилось, в Вихокен ехать нельзя, нас там могут ждать.

– Ждать? Кто?

– Те, кто нас обстреляли.

– О господи... – Она прижалась к нему, пытаясь согреться. – Джон, но почему? Откуда они знают, что мы поедем в Вихокен?

– Оттуда, что они знают номер моего мобильного и слышали мой разговор с Дэном.

– А как они узнали номер твоего мобильного?

– Точно не знаю, но думаю, от Флоренс, вашей портье.

– От Флоренс... – Снова прижалась к нему. – Что же делать?

– Ничего, как-нибудь выпутаемся. Нужно только дойти до ближайшего телефона-автомата.

Телефон-автомат они нашли на прилегающей к парку улочке. Набрав номер миссис Дэлун и услышав ее «Хэлло?», Джон сказал:

– Добрый вечер, миссис Дэлун, это Джон. Дэн предупредил вас, что я подъеду?
– Конечно. Вообще, Джон, куда вы пропали? Я специально не ложусь спать, а вас все нет.
– Миссис Дэлун, тысяча извинений, но я не приеду, у меня изменились планы. Огромная просьба: если кто-то будет спрашивать обо мне, не важно кто – вы ничего не знаете. Кем бы этот спрашивающий ни прикидывался, вы меня не видели и не слышали. И постарайтесь запомнить, как он будет выглядеть.

– О господи... Хорошо, Джон.

– Огромное спасибо, что вы меня ждали, всего доброго. Нажав на рычаг, подумал: сейчас вернее всего будет позвонить Скотту Олсену, с которым они дружат еще со школы. У Олсена была квартира-кондоминиум в Нью-Йорке, в районе Квинс-Астория, где он жил с женой. Детей у них не было.

Соединившись с помощью службы «Коллект колл» с Олсеном, услышал хриплый голос:

– Хэлло? Джон, что случилось?

– Мне нужно переночевать.

– Переночевать?

– Да. Причем не одному, а с девушкой.

– Черт... – Скотт помолчал. – Джон, извини... Что, это так важно?

– Я бы даже сказал, сверхважно. Но если я тебя затрудню, позвоню кому-то другому.

– Нет, ты что, конечно, приезжай, нет разговоров. Ты сейчас где?

– В Джерси-Сити. Может, ты просто оставишь ключи у портье?

– Хорошо, я оставлю ключи. Тогда вы сразу проходите в ближнюю спальню, там все будет постелено. И постарайтесь не шуметь, я должен встать в шесть, а Дженни встает еще раньше.

– Не волнуйся, ты не услышишь ни звука.

– Тогда все. Ключи будут у портье.

Такси, которое Джон вызвал по телефону-автомату, подъехало к ним через десять минут. Еще через час они уже входили в квартиру Олсенов.

Комната, которая была для них приготовлена, оказалась просторной и уютной. Прикрыв дверь, Лина села на одну из кроватей. Несколько секунд сидела, закрыв лицо ладонями; наконец, тряхнув головой, сказала:

– О мой бог... Просто не верится, что мы в безопасности.

– Тем не менее мы в безопасности. Знаешь, я подумал вот о чем: в Москве у меня есть друг, Павел Молчанов, директор детективного агентства.

– И что этот твой друг?

– Он большой знаток во всем, что касается российской братвы. Мне кажется, есть смысл ему позвонить.

– Так позвони.

– Больше того, я считаю, раз здесь замешаны русские, имеет смысл пригласить Павла нам помочь. Он один из лучших детективов, которых я знаю.

– Замечательно, пригласи его. Я ему заплачу так же, как тебе.

– Отлично. В таком случае я позвоню ему прямо сейчас. В Москве одиннадцать утра, он наверняка у себя в офисе. Как, потерпишь? Не заснешь?

– Не знаю, может, и засну... Устала жутко... Ладно, в любом случае давай звони своему другу.

Взяв трубку, Джон набрал код Москвы и номер агентства «Охранник». Трубку снял сам Павел Молчанов, и после взаимного обмена приветствиями Джон коротко рассказал, что произошло с ним и с Линой, его новой клиенткой. На вопрос Павла, что нужно от него лично, Джон сказал, что просит его помочь выяснить, кем может быть человек по кличке Косой.

К его удивлению, Павел попросил его повторить рассказ и во время повтора просто замутил вопросами. В конце концов, не выдержав, Джон спросил:

– Пол, неужели все это так важно?

– Очень важно. Вообще, не хочу тебя расстраивать, но, похоже, ты со своей клиенткой влип в серьезную историю.

– Это я уже понял. Но ты согласен помочь?

– Да, я согласен помочь, но вы должны до моего приезда спрятаться так, чтобы вас не смог найти никто. Ни полиция, ни те, кто на вас напали. И ждать.

– И долго мы должны ждать?

– Пару дней как минимум. Как только у тебя появится мобильник, который не прослушивается, позвони мне в агентство. Если меня не будет, оставь сообщение. И запомни: то, что я от тебя услышал, слишком сложно и слишком серьезно.

Посмотрев на Лину, которая в этот момент брезгливо стягивала с себя сырую одежду, Джон спросил:

– Что ты имеешь в виду? То, что случилось с Кеннетом Луксманом?

– Это тоже. Но гораздо серьезнее то, что вас обстреляли из автоматов с глушителями люди, среди которых есть человек по кличке Косой.

– Что... – Посмотрев, как Лина входит в ванную, Джон добавил: – Ты так думаешь?

– Я в этом уверен. Если хочешь, чтобы я вместе с тобой занялся этим всерьез, потерпи день-два, мне надо выяснить некоторые детали.

Глава 7

Покрутившись на своем «фольксвагене» по переулкам в центре Москвы, Павел Молчанов нашел наконец названный по телефону адрес. Остановив машину у старинного трехэтажного особняка, поднялся по каменным ступеням на крыльцо и позвонил. Не заметив никакой реакции, попробовал открыть дверь, но она не поддавалась. Позвонил снова, и, судя по раздавшимся за створкой скрежещущим звукам, на этот раз звонок подействовал.

Дверь приоткрылась, выглянувший из-за нее сержант в форме войск госбезопасности несколько секунд изучал его взглядом. Взглянув на что-то, что держал в руке, возможно, на его фотографию, сказал:

– Пожалуйста, проходите. – Подождав, пока Павел войдет, спросил: – Простите, вы по какому вопросу?

– У меня назначена встреча с Федором Андреевичем Свириным⁴.

По взгляду сержанта было ясно: то, что он пришел к Свирину, часовому известно, и вопросы, которые теперь будут заданы, – пустая формальность. Однако Павел хорошо знал порядки в ФСБ и знал, что отвечать на эти вопросы он должен по всем правилам.

Не отводя взгляда, сержант спросил:

– Фамилия, имя, отчество?

– Молчанов Павел Александрович.

– Род занятий?

– Директор охранно-детективного агентства «Охранник».

– Попрошу паспорт.

⁴ История знакомства Молчанова и Свирина изложена в романе «Спираль смерти», являющемся частью 1-й тетралогии «Смерть по высшим расценкам». Часть 2-я тетралогии – роман «Пуля со смещенным центром», часть 3-я – роман «Смерть по высшим расценкам», давший название всей тетралогии, и часть 4-я – роман «Выстрел без предупреждения», который скоро выйдет в издательстве «Омега».

Павел протянул паспорт. Пока сержант перелистывал страницы документа, он заметил: чуть в стороне стоит человек в стандартном сером костюме.

Изучив паспорт, сержант вернул его:

– Проходите, вас проводят.

Человек в сером костюме, сделав знак, подошел с Павлом к кабине лифта; когда они вошли, нажал кнопку третьего этажа. Выйдя на третьем этаже, показал на кресло в холле:

– Пожалуйста, садитесь, вас вызовут.

– Долго ждать?

– Вряд ли долго.

Человек ушел.

Подумав, что Свирин, который сам же попросил его приехать, вполне мог бы принять его сразу, Павел сел в кресло и взял один из лежащих на столике журналов.

Павел Молчанов был москвичом, но самым тесным образом связан с маленьким провинциальным Рыбинском, потому что и мать, и отец были из Рыбинска. Живя в Рыбинске, его родители тем не менее друг друга не знали и познакомились лишь в Москве, в МГУ, где отец был профессором, а мама студенткой.

Его называли Павлом в честь деда со стороны матери, на которого он был очень похож. У него были такие же, как у деда, выступающие надбровные дуги, такой же скошенный лоб, такой же прямой хрящеватый поморский нос, такие же темно-русые волосы и голубые глаза. Пошел он в деда и силой, и ростом, которого чуть не хватало до метра девяноста.

Когда ему исполнилось десять, отца пригласили в США преподавать в Гарвардском университете. До пятнадцати лет Павел, или Пол, как его там звали, ходил в американскую школу. Когда срок работы в Гарварде закончился, отец отказался от нового контракта, и они вернулись в Москву. По-английски Павел к тому времени говорил свободно, так что мог выбрать любой языковой вуз. Он выбрал военный институт иностранных языков и, получив диплом, начал службу военным переводчиком при штабе 201-й дивизии в Таджикистане⁵. Затем была служба в составе российских миротворческих сил в одной из республик бывшей Югославии, и именно там судьба свела его с Джоном Лейтнером. Там же, на Балканах, произошло ЧП, повлиявшее на многое в его жизни. Будучи всего лишь капитаном, он ударил майора, дежурного по части, ударил за дело. После удара потерпевшего с легким сотрясением мозга отправили в медсанбат, и Павлу грозил трибунал, однако в конце концов все обошлось и его просто отправили в запас. Без дела он сидеть не мог и в конце концов вместе с друзьями учредил на паях охранно-детективное агентство «Охранник». Другими были полковник штаба части, где произошло ЧП, Сергей Радич, ушедший после случившегося в знак солидарности в отставку, и Константин Костомаров – один из лучших в Москве адвокатов по уголовным делам. Формально директором агентства считался Молчанов, но фактически все дела в агентстве они решали сообща.

Журнал, который он взял, был американским и назывался «Виктория сикретс»; полистав его и не найдя ничего интересного, Павел вернулся к обложке. На ней была изображена девушка в красном бикини; сидя на шкуре белого медведя, в которую она упиралась одной рукой, девушка загадочно улыбалась, глядя куда-то вдаль широко раскрытыми светло-зелеными глазами.

Глянул на надпись: Лина Гжибовски. Ничего не скажешь, подумал он, эта Лина Гжибовски чертовски хороша. Настолько хороша, что заставляет всматриваться в фотографию чуть ли не с замиранием сердца.

На обложке другого журнала, «Вог», лежащего на столике, также была изображена Лина Гжибовски, но уже в вечернем туалете с большим декольте.

⁵ Дислоцированная в Таджикистане на границе с Афганистаном 201-я мотострелковая дивизия.

В ту же секунду, вспомнив, что Линой Гжибовски зовут девушку, о которой вчера утром, позвонив из Нью-Йорка, ему рассказал Джон Лейтнер, выругал себя. Затем, сообразив наконец, что это штучки Свирина, с досадой бросил «Вог» на столик. Не хватало еще, чтобы об отношениях Джона и Лины Гжибовски, а также о том, что Джон и Лина вместе скрываются от полиции, знала вся ФСБ.

От этих рассуждений его оторвал скрип двери, из-за которой выглянул Свирин.

Внешность полковника была самой что ни на есть заурядной: обширная лысина, нос, состоящий из нескольких бугорков, густые пшеничные брови и глаза цвета, который можно было бы назвать палевым. Будто сознавая незначительность своей внешности, Свирин всегда отличался подчеркнутой элегантностью, носил хорошо сшитые костюмы и безукоризненно подобранные к ним галстуки. Сейчас на нем был однобортный пиджак болотного цвета, черные брюки и галстук в косую лимонно-черную полоску.

Встретив взгляд Павла, Свирин изобразил приятельскую улыбку:

- Паша, добрый день. Извините, что заставил вас немного подождать.
- Добрый день, Федор Андреевич. Ничего страшного.
- Думаю, вы здесь не скучали. Или скучали?
- Нет, я здесь не скучал.

После короткой паузы Свирин вздохнул:

– Ладно, не обижайтесь. Проходите, надо поговорить. Войдя в кабинет, Павел после знака Свирина сел в кресло. Устроившись за столом, полковник внимательно посмотрел на него:

- Паша, простите, мне кажется, вы чем-то недовольны?
- Да, Федор Андреевич, уж извините, я не в восторге.
- Понятно. И чем же вы недовольны?
- Прежде всего я недоволен Радичем, который, как я теперь понял, слишком подробно пересказал вам мой разговор с Джоном Лейтнером. К вам же у меня претензия только одна – по поводу журналов, которые лежат на столике в холле.
- И чем же вам не нравятся эти журналы?
- Федор Андреевич, ну мы ведь с вами мужчины, мужики, так ведь?
- Да, мы мужчины и мужики, и что дальше?
- Дальше то, что Джон все же мой друг. И оповещать о его взаимоотношениях с Линой Гжибовски всю ФСБ не очень, я бы так сказал, прилично.

– Паша... – Свирин застыл, вглядываясь в стол. – Паша, вы обвиняете меня в том, в чем я не виноват. То, что я попросил порученца принести сюда эти журналы, еще не значит, что я оповестил всю ФСБ, что Джон Лейтнер и Лина Гжибовски состоят в интимной связи. Радич сказал мне, что Лина Гжибовски – клиентка Джона. Разве это секрет?

– Нет, это не секрет.

– Так, раз это не секрет и раз мы с вами в самом деле мужики, а не младенцы, разве грех предположить, что парень вроде Джона, встретившись с Линой Гжибовски, не останется при этом невинным? Грех или нет?

Встретив взгляд Свирина, Павел подумал: он очень хотел бы, чтобы у Лины Гжибовски с Джоном ничего не было.

– Ладно. – Отвел глаза, делая вид, что рассматривает потолок. – Нет, это не грех.

– Ну вот. Радич сказал мне, что Лина Гжибовски – клиентка Джона. Но он мог мне этого не говорить, потому что сообщениями о том, что Лина Гжибовски убила Кеннета Луксмана, а также о том, что ее личным телохранителем является Джон Лейтнер, заполнены все нью-йоркские газеты и весь Интернет. А вы пеняете мне на то, что я положил перед вами два старых журнала с Линой Гжибовски на обложке.

– Ладно, Федор Андреевич, забыли.

– Хорошо, забыли. – Открыв ящик, Свирин достал фото и протянул Павлу. – А теперь посмотрите это.

Взяв фото, Павел сразу же узнал Георгия Кирьякова, или Косого. За последние сутки, усиленно занимаясь биографией авторитета, он изучил это лицо до последней детали.

Правда, особых успехов, по его собственному мнению, он в изучении биографии Косого не добился. То, что он узнал, лежало на поверхности и наверняка было известно всем российским спецслужбам. Георгий Денисович Кирьяков, он же Джордж Кирьят, кличка Косой, гражданин России и Израиля, родился в Москве, сейчас находится в Нью-Йорке. Сорок девять лет, крупный криминальный авторитет, начинал в России, но уже несколько лет действует только за границей. Здесь, в России, прокрутил несколько афер, связанных с алюминием, служил в частях особого назначения, воевал в Афганистане. После Афганистана был арестован по подозрению в нескольких убийствах, но суд за недостатком улик постоянно откладывался, и после года, проведенного в СИЗО, Кирьяков был выпущен по амнистии. Некоторое время был паханом московской Измайловской группировки, затем эмигрировал в Израиль, где, не обладая, по всем российским источникам, и процентом еврейской крови, получил израильское гражданство. Особая примета – шрам у левого виска.

Это все, что смог узнать Павел. Еще раз взглядевшись в снимок узколицего человека с волевым взглядом и короткой стрижкой, положил фото на стол.

– Знаете его? – спросил Свирин.

– Знаю. Это Георгий Кирьяков, он же Косой. В том, что Джона в Нью-Йорке обстрелял он, у меня нет сомнений.

– У меня тоже. Не может быть другого русского по кличке Косой, который сейчас живет в Нью-Йорке и прямо там выходит на дело с автоматом, снабженным глушителем. – Свирин осторожно провел по столу ладонью. – Черт... Последнюю неделю из-за этого Косого начальство три раза вызывало меня на ковер.

– И почему, Федор Андреевич?

– Потому что он обратился с жалобой к американскому правительству, что ФСБ пыталась его похитить, чтобы затем вывезти в Россию.

– Но этого не было?

Ответом был красноречивый укоризненный взгляд Свирина.

– Паша, конечно, не было. ФСБ очень хотела бы вывезти Косого в Россию, но официальным путем.

– Что, он много у нас наследил?

– Очень много. На нем висят несколько десятков заказных убийств и убийств в ходе разборок, множество корыстно-насильственных преступлений, квалифицированных вымогательств, мошеннических действий с ценными бумагами и так далее. И как венец – мошенническим и насильственным путем установленный контроль над крупнейшим предприятием по производству и переработке цветных металлов, Сибирским алюминиевым комбинатом, который, по самым скромным оценкам, стоит на международном рынке десять – двенадцать миллиардов долларов. Но Косой ухитрился приобрести восемьдесят процентов акций, то есть практически весь комбинат, всего за сто миллионов. А это, между прочим, объект стратегического значения.

– Да уж. И как же ему это удалось?

– Паша, у нас в России иногда такое случается. – Свирин посмотрел в окно скучным взглядом. – Как раз в это время в Сибири наблюдался всплеск загадочных смертей и явно заказных убийств, так что выводы делайте сами.

– Я их уже сделал.

– Надеюсь. Кроме того, недавно выяснилось, что во время Афганской войны Косой стал предателем и работал на моджахедов.

– Даже так?

– Даже так. Мне удалось встретиться с одним бывшим афганцем, который колесил по всей России, скрываясь от Косого. Фамилия этого человека Заболоцкий, правда, сейчас он Веретенников, потому что, боясь Косого, взял фамилию жены.

– Интересно. И чем же вызван его страх?

– Тем, что в Афгане, под Кандагаром, в подземном городе он видел то, чего не должен был видеть. Он был снайпером, затем, после того как в его гнездо попала мина, его взяли в плен. Вскоре он приполз в часть, истекая кровью, с правой рукой, обрубленной по кисть, – моджахеды поступали так со всеми нашими снайперами. Так вот, он рассказал, что после того, как ему отрубили руку, его страшно избили и, решив, что он мертвый, положили с другими трупами. Но он пришел в себя и увидел, как Косой по одному режет наших пленных, измученных, избитых, всех в крови, со связанными руками.

– Режет?

– Да, режет. Ставит их на колени и кончает одним движением по горлу большим ножом. Так он зарезал семь человек. После этого Заболоцкому удалось выбраться из подземного города и доползти до своих. Его увезли в тыл, в военный госпиталь в Туапсе, и оттуда в нашу контору какими-то окольными путями пришло письмо главврача Туапсинского госпиталя, сообщавшее, что, по словам Заболоцкого, старший прапорщик разведвзвода их полка Георгий Кирыков был предателем и, уходя якобы в разведку, занимался тем, что убивал наших пленных. Но когда наши люди с огромным трудом разыскали Заболоцкого, он сказал, что написал это письмо в горячке и ничего плохого о Кирыкове сказать не может. Но, видимо, потом совесть его все же замучила, он позвонил нам и все рассказал. Так что сами понимаете, какой у Косого набор.

– Серьезный набор.

– Очень серьезный. ФСБ очень хотела бы добиться экстрадиции Косого, чтобы здесь его судить. Но все должно быть сугубо официально.

– Как я понимаю, американцы его не отдают?

– Вообще, они и не обязаны его отдавать, поскольку договора об экстрадиции у нас с ними пока нет. Но в данном конкретном случае они бы нам его отдали, но... – Сложив десять пальцев один к одному, будто обнимая шар, Свирин некоторое время изучал образовавшуюся фигуру. – Но маловато доказательств преступлений. Ну а что насчет похищения его незаконным путем нашей конторой... Паша, думаю, вы знаете, наша контора с определенного времени такого не практикует. Да и, между нами, девочками, игра не стоит свеч.

– Почему же вас вызывали на ковер?

– Потому что начальство хочет, чтобы я, как сопредседатель президиума ВАКАТФ⁶, в вежливой и доходчивой форме объяснил американцам, что к похищению Косого ФСБ не имеет никакого отношения. По мнению начальства, я пользуюсь у американцев некоторым доверием.

Обдумав услышанное, Павел спросил осторожно:

– Значит, попытка похищения все-таки была?

– Да, скорее всего, была. – Свирин тронул несколько предметов на столе. – Американцы излагают происшедшее так: в полицию и в службу береговой охраны почти одновременно позвонили люди, представившиеся работниками принадлежащей Косому фирмы «Хьюмэн инвестигейшн». Эти люди настойчиво утверждали, что их босс похищен, назвали примерный район, где было совершено похищение, и указали несколько деталей похищения, потом подтвердившихся. Полиция, подъехавшая к автомобилю Косого, нашла там усыпленных водителя и охранника, а береговая охрана обнаружила в открытом океане дрейфующий катер, на кото-

⁶ ВАКАТФ – Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум, постоянная организация со штаб-квартирами в Москве и Нью-Йорке.

ром находились два трупа и связанный по рукам и ногам Косой. Самое неприятное, что американцы установили – эти два трупа принадлежали людям, когда-то служившим в ФСБ.

– Но они у вас не служили?

– Паша... – Свиринов тяжело вздохнул. – В том-то и беда, что служили. Но они давно уволились и перешли на работу в одно из частных охранных агентств. Но когда мы сказали об этом американцам, они ответили понимающими улыбками. Они бы сами сказали то же самое, если бы такое случилось с их людьми у нас. Так что сейчас нам приходится все это расхлебывать.

– Ясно.

– Паша, не думаю, чтобы вам все было очень ясно. Вообще, я попросил вас приехать сюда именно в связи с этим.

– В связи с чем «с этим»?

– Дело в том, что американцы обвиняют нас в попытке похитить известного бизнесмена, проживающего в Нью-Йорке. Сейчас, когда у нас наконец-то начинают налаживаться отношения, – такое обвинение не из приятных.

– Федор Андреевич... – Павел помолчал. – Извините, но при чем здесь я?

– Сейчас объясню. Начну издали: Косого в самом деле пытались похитить и вывезти в Россию. Но организовала эту операцию не ФСБ, а братва.

– Братва?

– Да, братва, несколько паханов крупнейших в России преступных группировок во главе с Лузгаевым и Росляковым, более известными как Лузга и Рассыпной. Вы ведь их знаете?

– Знаю, конечно.

– Завладев Сибирским алюминиевым комбинатом, Косой фактически украл у них несколько миллиардов долларов, причем, провернув эту сделку, укрылся в стране, на которую власть российской братвы распространяется не очень. Послать к нему киллера в Штаты не так просто, да и Косой не тот человек, который позволит себя убить. Сделать это пытались не раз, но ни у кого пока не получилось. К тому же убить Косого для братвы не выход, паханы знают, что завещание, которое у него наверняка есть, уж точно составлено не в их пользу. А вот если бы его удалось вывезти в Россию, у паханов был бы шанс с ним разобраться. И заставить если не отдать все, то хотя бы поделиться.

– Разумно, – согласился Павел. – Интересно, почему попытка не прошла?

– Ничего не могу сказать по этому поводу, полная тьма. Я знал людей, которые пытались его похитить, это были очень крепкие ребята, и почему у них все сорвалось, пока понять трудно. Но дело не в этом, а в том, что, когда Радич вчера передал мне ваш разговор с Джоном, я, во-первых, всерьез испугался за него, а во-вторых, понял, что мне нужно с вами поговорить.

– Федор Андреевич, я перед вами.

– Вижу, что передо мной. Значит, Паша, я очень хорошо знаю, что собой представляет Косой. Одно из главных его качеств – осторожность, он никогда не полезет в пекло просто так, ради развлечения или из-за пустяка. Поэтому то, что он вчера практически в самом центре Нью-Йорка обстрелял Джона, говорит о том, что ему ну просто кровь из носу нужно было убить вашего друга. Вы согласны?

– Согласен.

– А теперь подумаем, что такого важного может стоять для Косого, крупнейшего авторитета и мультимиллионера, за Джоном?

– Не знаю. Пока я не вижу ничего, что может для него за ним стоять.

– Вот именно. Но что-то стоит, это точно. И единственный человек, который может понять, что за этим стоит, – это вы. Сами понимаете, моя контора заниматься этим не может и не будет, остается Джон, но Джон американец; он не вырос в России, не понимает русской ментальности и один просто не совладает с Косым. У вас же есть шанс, да еще очень хоро-

ший повод – вы выручаете Джона, своего друга, попавшего в беду. И если в процессе работы вам удастся найти доказательства хотя бы одного убийства, которое стоит за Косым, его экстрадируют в Россию. Ну а если попутно вы попытаетесь выяснить, что к попытке похищения Косого ФСБ не имеет никакого отношения, американцы никоим образом не смогут к этому придраться.

– Возможно. Федор Андреевич, надеюсь, ваша контора тоже не сможет к этому придраться, если я выясню что-то не то, чего вы от меня ждете?

– Паша... – Свирин склонил голову набок, так, будто увидел в лице Павла нечто очень интересное. – Вы просто невозможный человек.

– Я не невозможный человек, просто предупреждаю: я совсем не обязан таскать каштаны из огня голыми руками, чтобы спасти честь вашей конторы.

– Никто и не просит вас это делать. Честь нашей конторы спасать не нужно, потому что ее при всем желании уже не спасешь. Просто если вы найдете хоть что-то, что докажет, что к попытке похищения Косого ФСБ не имеет никакого отношения, – вы окажете услугу мне, лично мне, Федору Свирину. Меня наконец перестанут вызывать на ковер. Я надеюсь, вы можете это сделать для меня?

– Федор Андреевич... – Павел помолчал. – Хорошо, постараюсь.

– Ну и отлично. – Встав, Свирин пожал ему руку. – Журналы, которые лежат в холле, ваши, я доставал их специально для вас. И желаю удачи, и, как говорится, ни пуха.

– Спасибо, и, как говорится, к черту.

Глава 8

Таможенный и паспортный контроль в аэропорту имени Кеннеди Павел прошел минут за сорок, что по порядкам, введенным после 11 сентября 2001 года, было ничтожно коротким сроком. Взяв в пункте проката аэропорта темно-синий «форд-торус», тут же набрал номер Джона.

– Хэлло? – услышал он знакомый голос.

– Джон, привет, это я. Я только прилетел и сейчас выезжаю из Джей-Эф-Кей на машине, взятой напрокат. Что у вас вообще?

– Мы с Линой сняли дом в Кас-Кабе и ждем тебя.

– Кас-Каб, Кас-Каб... Это где?

– Наш точный адрес: Коннектикут, Гринвич, Кас-Каб, Кэрридж-Роуд, дом пятнадцать. Ехать туда на машине часа полтора, выезжай на дорогу 95 и двигайся прямо по ней. Доедешь до Гринвича, там тебе все объяснят. Все, мы тебя ждем.

– Хорошо, еду.

Выбравшись из лабиринтов аэропорта, Павел в конце концов выехал на дорогу 95. До Гринвича он добрался быстро, но для того, чтобы найти Кэрридж-Роуд в Кас-Кабе, ему пришлось несколько раз остановить машину, чтобы узнать, как туда проехать. Краинный район Гринвича Кас-Каб располагался в сплошном лесу, и ему пришлось покрутиться по извилистым дорогам, прежде чем он остановил машину возле одноэтажного дома.

Бунгало с верандой стояло особняком, соседних строений видно не было. Вокруг перекликались птицы, в ветвях шумел ветер, а после того, как он выключил мотор, до него донесся шум ручья.

Едва он успел приоткрыть дверцу, как на крыльцо вышли Джон и светловолосая девушка. То, что это Лина Гжибовски, он понял сразу, хотя в шортах, короткой выцветшей тенниске и без грима она сильно отличалась от фото на обложках журналов «Виктория сикретс» и «Вог».

Джон махнул рукой:

– Давай сюда, Пол, что ждешь... – Подождав, пока он подойдет, кивнул: – Познакомься, это Лина.

– Да, я Лина. – Девушка сдержанно улыбнулась, и Павел пожал протянутую мягкую и чуть холодноватую руку.

– Очень приятно. Я Пол, хотя вообще меня зовут Павел.

– Мне тоже очень приятно. Вообще, мы могли бы говорить с вами по-русски, только Джону будет трудновато. Идемте, я покажу вам вашу комнату. Там все рядом, устройтесь, примете душ и проходите сюда, на веранду, будем завтракать. Идите за мной.

Он пошел вслед за ней, стараясь не думать о том, как совершенны ее фигура и походка.

Открыв одну из дверей, она повернулась:

– Вот ваша комната. Там есть туалет, ванная и все остальное. Когда будете готовы, спускайтесь на веранду.

Перед тем как уйти, она посмотрела на него с той же самой улыбкой, сдержанно-приветливой. Он подумал, что она ничего не делает, чтобы понравиться, но именно в этом и есть ее очарование.

Он попытался освободиться от этого очарования во время завтрака, но так и не смог это сделать. Лина вела себя как нормальная приветливая хозяйка, и потому нравилась ему все больше и больше.

Когда она начала разливать кофе, он поймал себя на том, что ничего не замечает, потому что следит за движениями ее рук. Руки были красивыми, загорелыми, с тонкими и крепкими запястьями.

Сев и сделав глоток, она посмотрела прямо на него:

– Я налила вам просто черный, ничего?

– Ничего, я как раз люблю черный.

– Что ж, я рада. Ребята, вы, наверное, хотите поговорить о делах?

– Хотим. – Сказав это, он попытался перебороть себя и стать таким, каким всегда был во время работы: строгим, а порой и беспощадным. – И знаете что, Лина?

– Что?

– Если вы не против, я хочу начать с вас. Я буду спрашивать, вы будете отвечать. Только предлагаю пока не трогать ваши взаимоотношения с Кеннетом Луксманом и то, чем они кончились.

– Павел... – Она отвела взгляд. – Наши взаимоотношения кончились тем, что я его убила. Вот и все.

– Хорошо, вы его убили, но это отдельная тема для разговора. Я хотел бы сначала поговорить о Джордже Кирьяте, или о Косом. Поговорим?

– Ну... Хорошо, давайте поговорим.

– Вы знаете, кто это?

– Знаю. Это человек, который хотел застрелить нас с Джоном.

– Это как раз и является самым удивительным. Сделав глоток, Лина медленно подняла глаза.

– Почему?

– Потому что непонятно, зачем он хотел убить кого-то из вас.

– Ну да. Нам самим это тоже непонятно.

– Вы знаете что-то еще о Косом, кроме того, что он хотел убить вас с Джоном?

– О Косом? – Помедлив, решительно покачала головой: – Нет. Раньше я никогда о нем не слышала.

– Может, вы слышали, как это имя упоминает Кеннет Луксман? Вскользь, случайно?

– Да нет. – Помолчала. – Нет, Кеннет никогда не упоминал этого имени. А кто он вообще такой, этот Джордж Кирьят?

Он нарочно выдержал паузу, делая вид, что смакует кофе и разглядывает кроны деревьев. Наконец, посмотрев на нее и увидев, что она внимательно слушает, сказал:

– Если в общем – это очень и очень опасный человек. Начну издавека. Георгий Кирьяков, он же Джордж Кирьят, он же Косой, урожденный москвич, перебрался в США из Израиля, где, не имея ни одного процента еврейской крови, получил гражданство по фальшивым документам, купленным в России. На его счетах в различных банках мира, в том числе американских «Бэнк оф Нью-Йорк» и «Биг Эппл бэнк», лежит около шестисот сорока миллионов долларов. Сейчас, по моим данным, он собирается превратить свои миллионы в миллиарды. Он является фактическим владельцем крупнейшего в мире производства цветных металлов – Сибирского алюминиевого комбината в России. И очень заинтересован в том, чтобы как можно скорее получить американское гражданство, поскольку тогда вопрос о его экстрадиции в Россию тут же отпадет. Испрашивая гражданство в Штатах, Косой напирает на то, что здесь, в Америке, он занят благородным и гуманным делом, основав фирму «Хьюмэн инвестигейшн», это что-то вроде частного детективного бюро, но бюро особого рода, занятого исключительно воссоединением семей.

– Я слышала что-то про эту «Хьюмэн инвестигейшн».

– Естественно, вы слышали, потому что Косой не скупится на телерекламу и на заказные статьи в центральных газетах. «Хьюмэн инвестигейшн» придумал он сам, и придумал, на мой взгляд, просто гениально, если можно применить это слово к человеку, который задался целью отмыть прошлое. Согласитесь, способствовать воссоединению семей во всем мире для отмыкания прошлого – наилучший из бизнесов. Когда на экране телевизора владелец фирмы передает крошку-сына счастливой матери, сами понимаете... – Помолчал. – Мало у кого поднимется рука бросить в него камень. Но это все присказка, а не сказка.

– А что сказка?

– Что сказка... Сказка то, что я ничего не имею против Америки и американцев, но людей, более наивных, чем они, я еще не встречал, и это самая благодатная, просто идеальная почва для Косого. Сказка то, что Косой, помимо того, что он мультимиллионер и президент «Хьюмэн инвестигейшн», служил в русской армии в Афганистане, пытал своих, отрубал им руки, а потом убивал, перерезая горло ножом. Сказка то, что неделю назад два бывших русских спецназовца, которых послала братва, пытались похитить Косого и привезти в Россию, но из этого ничего не вышло, оба убиты. Сказка то, что самые крупные криминалы в России знают, что если они встанут на пути Косого, то могут считать себя приговоренными к смерти. Боюсь, что и вы с Джоном подвергаетесь сейчас очень серьезной опасности, если не сказать смертельной.

Посмотрев на нее, он понял, что перебрал. Ее губы дрожали, в глазах стоял страх.

– Но... Но что же он хочет от нас с Джоном?

Он выдержал паузу, чтобы дать понять, что и не думал шутить.

– Мне кажется, Джон здесь ни при чем, Косому чем-то мешает именно вы.

– Господи... Чем я-то могу ему мешать? Я ведь его даже не знаю.

– Это мы с Джоном и попытаемся выяснить. Джон, расскажи, что было после того, как вам с Линой удалось от них убежать?

Похоже, его рассказ произвел впечатление и на Джона. Скривившись по своей привычке, тот сказал:

– Что было дальше... Помнишь, я тебе рассказывал о женщине, которой мой друг оставляет ключи от дома?

– Помню. Миссис Дэлоун, так, кажется?

– Да, миссис Дэлун. Так вот, на следующее утро Косой с еще несколькими людьми подъехал к ней и, выдав себя за моего приятеля, пытался выяснить, где я. Затем, когда я позвонил в полицию Джерси-Сити и сообщил, что меня обстреляли, наряд копов выехал в гавань, но машины, которую мы с Линой там бросили, в гавани уже не было. После этого я с Лео Спейдом и двумя копами приехал туда, чтобы найти гильзы, но, сколько мы ни искали, ни одной гильзы не нашли.

– Вы и не должны были их найти, у них наверняка были гильзосборники. А то, что они позаботились о твоей машине, – азбука.

– Все правильно. Но сам понимаешь, полиция после этого относится к моему сообщению об обстреле с большим сомнением.

– Думаю, Косой как раз именно этого и добивался. Что вообще насчет полиции? Как она прореагировала на то, что вас обстреляли?

– Как всегда, своеобразно. Лейтенант Хьюдж из отдела расследования убийств, который ведет расследование убийства Кеннета Луксмана, от моего сообщения, что меня обстреляли в гавани, по сути дела, отмахнулся. Завтра придется снова к нему подъехать. Вообще, как я понял, для него главное – вынь да положь ему Лину.

Пора перевести разговор в шутку, подумал Павел. Улыбнулся:

– Вынь да положь ему Лину... Лина, вас все ищут. Как вы вообще себя чувствуете в связи с тем, что вас ищут?

– Никак. – Пожала плечами. – Сначала было не по себе, а сейчас уже привыкла.

– Хорошо, давайте опять перейдем к вам. Джон сказал, Кеннета Луксмана вы застрелили защищаясь, при самообороне, так что всего рассказывать не нужно. Меня интересуют только некоторые детали. Из какого пистолета вы стреляли?

– Из пистолета системы «Байонн».

– Откуда он у вас вообще?

– Я живу напротив Метрополитен-музея и часто там бываю. Иногда я задерживаюсь допоздна, когда главный вход уже закрыт, и приходится выходить через служебный выход, а он ведет прямо в Центральный парк. Вы ведь знаете, что после семи вечера заходить в Центральный парк не рекомендуется?

– Конечно.

– Ну вот. Правда, отрезок от служебного входа в музей до Пятой авеню короткий, но все равно, когда идешь одна ночью по парку, как-то не по себе. Ну я и решила, чтобы не бояться никого, купить пистолет. Даже взяла несколько уроков стрельбы.

– То есть вы хорошо стреляете?

– Павел, вы что... Я совсем никудышный стрелок, просто безнадежный.

– Что так?

– Ну как я могу хорошо стрелять, если у меня в руках пистолет все время дрожит?

Встретив ее растерянный взгляд, улыбнулся:

– Неужели в самом деле все время дрожит?

– Конечно. Вообще, я только сначала брала его с собой в музей, а потом плюнула, положила в шкатулку и больше уже не трогала. Только в понедельник, когда ждала Кеннета, я спрятала его в ванной на всякий случай. Я боялась, что он меня убьет.

– Как я понимаю, боялись не зря?

– Не зря, конечно. Кеннет, как только пришел, сразу на меня набросился. Он был совсем бешеный, начал меня душить. Ну и я вырвалась и, когда он снова бросился на меня, стала стрелять.

– Сколько раз вы выстрелили?

– Три раза. Правда, мне показалось, я выстрелила больше, но Джон проверил обойму – в ней осталось четыре патрона. А всего в обойме семь патронов.

- Понятно. Вообще, где сейчас этот пистолет?
- Здесь, в моем кейсе, – сказал Джон. – Хочешь посмотреть?
- Покажи, посмотрим ради любопытства.
- Сейчас. – Джон ушел и почти тут же вернулся. – Вот, это тот самый пистолет.

Взяв «байонн», Павел проверил обойму – в ней было четыре патрона. Положив пистолет на стол, сказал:

- Лина, вы выстрелили три раза, сомнений нет.
- Ну да, я же говорю – три.
- Значит, вы три раза выстрелили в Луксмана и убили его?
- Да. Ну, то есть... То есть я присела над ним и вижу, что он мертвый.
- Где пулевое отверстие, заметили?
- Павел, вы что... Какое еще пулевое отверстие... Я вообще в тот момент почти ничего не соображала. Быстро оделась, взяла кое-какие вещи и документы и ушла.
- Вы можете сказать, какая пуля оказалась смертельной?
- Понятия не имею.
- Третья, – сказал Джон. – Ведь Луксман упал после того, как Лина выстрелила в третий раз. Лина, так ведь?
- Ну да.
- Значит, ты убила его третьей пулей. Детектив Берри, который первым прибыл на место происшествия, сообщил мне, что две пули засели в стене, а третья вошла в сердце Кеннета Луксмана. Это же подтвердил лейтенант Хьюдж, который ведет расследование.
- Я правильно понял – пуля попала точно в сердце? – спросил Павел.
- Правильно. Точно в сердце.
- Интересно. Некоторые профессиональные киллеры стреляют из винтовки с оптическим прицелом и, бывает, мажут. А вы, хрупкая девушка, стреляли из дамского пистолета дрожащими руками и попали точно в сердце.
- Павел... – Лина развела руками. – Что делать, я не виновата. Я не хотела его убивать, честное слово.
- Верю, что не хотели. Ладно, теперь вы можете еще раз рассказать, как вас пытался убить Майлс Гуттиеррес?

Она вздохнула, и он добавил:

- Я понимаю, вам это неприятно. Но все же расскажите.
- Ну... Очень просто – накинул сзади полотенце и стал душить.
- Потом, кажется, вы ударили его несколько раз молотком?
- Да, я нащупала молоток для отбивания мяса и ударила его несколько раз. Изо всей силы.
- После этого он уехал в Майами?
- Да. Я вызвала такси, дала Майлсу денег, посадила, и он уехал.
- Не знаете, он доехал до Майами?
- Понятия не имею. Меня это не интересовало, да и как бы я это узнала?
- Ясно. А где он живет в Майами?
- У него там большое двухэтажное бунгало на Виргиния-Ки, дом называется «Миа Палома».
- Там живет вся его семья?
- Нет, его мать, отец и младшая сестра живут в другом месте.
- У вас есть их адрес?
- Адреса нет, но я знаю, что его отец – крупье в казино, а мать держит массажный кабинет.
- Понятно. А где находится дом в Нью-Йорке, где Майлс пытался вас задушить?

– На Стейтен-Айленде, на бульваре Виктория, дом номер тысяча сто тридцать пять. Это примерно в середине бульвара Виктория.

– Что это за дом?

– Обыкновенный двухэтажный дом. Точнее, половина дома.

– Он долго там жил?

– Не очень долго. Он снял этот дом сразу после того, как мы с ним познакомились, для того, чтобы встречаться со мной. Но он за него не платил. Один раз я случайно встретила владельца дома, мы разговорились, и он сказал, что аренду оплачивает Кеннет.

– Почему Кеннет это делал, не знаете?

– Сначала я думала, это плата за гостеприимство, в Майами Кеннет иногда останавливался у Майлса. Но сейчас я понимаю, что Кеннет специально снял этот дом, чтобы Майлс мог потом меня в нем убить.

– У вас есть ключи от этого дома?

– Есть. Я часто приходила туда, когда Майлса не было, и ждала его.

– Очень хорошо, вы их нам дадите. Джон, ты не против прямо сейчас съездить и посмотреть этот дом?

– Наоборот, за. Я очень хочу там побывать.

– Значит, поедет туда прямо сейчас. А завтра я хочу съездить в Майами, посмотреть, что собой представляет Майлс Гуттиеррес.

– Один? – спросил Джон.

– Конечно. Ты же понимаешь, надолго оставлять Лину одну нам нельзя.

– В общем, да, ты прав. Хорошо, поезжай, Бэнкс все еще там, он поможет.

– Надеюсь. Лина, вы хорошо знаете Фреда Луксмана?

– Нет, не сказала бы.

– Что так?

– Так уж получилось. Во-первых, Кеннет меня с ним не знакомил. Да и... Вздохнула. – Да и, мне кажется, старый Луксман меня с самого начала невзлюбил.

– Почему?

– Не знаю. Он вообще никого не любит, он же небожитель. Признает, точнее, признавал только Кеннета, все остальные для него так, букашки.

– Вы что, его ни разу не видели?

– Почему же, видела, мы пару раз встречались на каких-то парти. Но когда он проходил мимо, он нарочно делал вид, что меня не замечает.

– Понятно. Джон, как ты смотришь на то, чтобы встретиться с Фредом Луксманом?

– С Фредом Луксманом? Зачем?

– Ты не хочешь?

– Почему, я могу встретиться, только зачем?

– Затем, что эта встреча может дать нам какую-то информацию.

– Боюсь, эта встреча ничего не даст, – сказала Лина.

– Почему? – спросил Павел.

– Не даст, и все. Из Фреда и в обычной-то жизни слова не выжмешь, а тут еще Джон. Да и потом, он Джона просто не примет, люди ждут годами, чтобы попасть к нему на прием, а тут человек, который связан со мной.

– Лина, это как раз и поможет. Если Джон позвонит и назовет себя, старый Луксман может принять его просто из интереса, как вашего телохранителя. Джон, ты меня понял?

– Я тебя понял. Ладно, я ему позвоню.

– Хорошо, с этим покончили. Лина, у вас много родственников?

– Единственный родственник, который у меня вообще есть, – бабушка. Она живет в Москве.

- Как ее зовут?
- Ее полное имя Лариса Александровна Князева.
- Вы поддерживаете с ней связь?
- Поддерживаю, я звоню ей раза три-четыре в месяц, иногда чаще. И примерно раз в два месяца мы обмениваемся письмами. Раз в году, когда я приезжаю в Москву, мы с ней видимся.
- Она бывает в Нью-Йорке?
- Была пару раз, но ей здесь не понравилось, так что в основном я езжу к ней сама. Вообще, я ей давно не звонила и хочу позвонить, но Джон говорит, что нельзя.
- Он говорит совершенно правильно. Вам придется на время забыть, что у вас есть бабушка.
- Павел, я не могу о ней забыть, да и вообще, ведь номер ее телефона знаю только я. Если я позвоню ей один раз, ничего не случится. Если же я перестану ей звонить, она будет беспокоиться.
- Лина, поверьте, о том, что у вас есть бабушка в Москве, нью-йоркская полиция уже знает. И если вы позвоните Ларисе Александровне, копы обязательно выловят из этого звонка какую-то информацию о вас. Возможен и такой вариант: они попросят московскую милицию использовать вашу бабушку как подсадную утку.
- То есть как это, как подсадную утку?
- Очень просто. Вариантов сделать вашу бабушку подсадной уткой много. Один из них – послать на ваше имя от ее лица телеграмму, что она тяжело заболела. Поскольку полиция не знает, где вы, эта телеграмма может быть послана на имя какой-то из ваших подруг, или будет найден еще какой-то способ сообщить вам об этом. Вы возьмете билет на самолет в Москву, после чего вас тут же арестуют. Уже в аэропорту.
- Господи... Неужели такое возможно?
- Это не только возможно, это обычная практика. У вашей бабушки есть какая-то знакомая или приятельница?
- Есть, тетя Настя, они давно дружат. Тетя Настя ей помогает и вообще поддерживает. Они соседки.
- Вы знаете адрес этой тети Насти?
- Знаю. Когда я была маленькой, тетя Настя часто забирала меня к себе. Она живет на той же улице, что и бабушка, на Новой Басманной. Я и телефон ее наизусть помню. Я могу ей позвонить?
- Звонить не стоит, а вот послать ей письмо вполне можете. Обратный адрес на конверте не пишете.
- Хорошо, я так и сделаю.
- Мы с Джоном сейчас поедem на Стейтен-Айленд, но скоро вернемся. Джон, надеюсь, Лину здесь никто не найдет?
- Нет, гарантированно.
- Тогда все, едем.

Глава 9

Выйдя из «сааба» на боковой улочке у бульвара Виктория, они решили, что первым в дом номер 1135 зайдет Павел.

Поднявшись на веранду, Павел несколько раз нажал кнопку звонка. В глубине квартиры прозвучала несложная мелодия, но никаких других звуков слышно не было.

Достав ключи, открыл дверь, войдя, прикрыл за собой створку.

Он стоял в небольшой прихожей, за которой в дверном проеме виднелась гостиная. Все говорило о том, что совсем недавно квартира подверглась тщательному обыску, ни одна из

вещей не находилась на своем месте, пол был завален книгами, одеждой, вырванными с корнем засохшими растениями. Для проверки потрогал несколько пустых книжных полок – пыль была лишь на краях, что означало, что обыск был проведен недавно.

Бегло осмотрев прихожую, он затем около минуты простоял у окна; не заметив ничего подозрительного, достал телефон, набрал номер Джона и, не дожидаясь отзыва, кашлянул.

Вскоре слышались шаги; войдя, Джон закрыл за собой дверь и сразу же запер ее на засов. Оглядев прихожую, покачал головой, оценивая масштаб разгрома. Показал знаком: обходим квартиру с радиодетекторами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.